

ВОЕННЫЕ 1918
МЕМУАРЫ 1920

Генерал-лейтенант
П.Н. Врангель

ВОСПОМИНАНИЯ

Петр Николаевич Врангель

Воспоминания

Серия «Военные мемуары (Вече)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27822523
Воспоминания / Врангель П.Н.: Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4444-8813-3*

Аннотация

Барон Петр Николаевич Врангель до сих пор является одной из самых загадочных фигур Российской смуты 1917–1920 гг. Ключ к познанию этой личности лежит в его «Воспоминаниях». В настоящее издание вошли воспоминания генерал-лейтенанта о Гражданской войне в России. На страницах книги вы узнаете о боях и переживаниях последнего Главнокомандующего Русской армии, о его трудных и порой противоречивых отношениях с современниками, о драматических событиях вынужденного исхода Русской армии за рубеж. Воспоминания Врангеля настолько полны и всеобъемлющи, что ими до настоящего момента пользуются все создатели его биографий, в разной степени пересказывая или интерпретируя текст. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, интересующихся историей Гражданской войны.

Содержание

Неразгаданный герой	5
Глава I. Освобождение Северного Кавказа	9
На Кубани	9
В ногайских степях	58
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Петр Николаевич Врангель

Воспоминания

© ООО «Издательство „Вече“», 2012

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2017

Сайт издательства www.veche.ru

Неразгаданный герой О воспоминаниях барона П.Н. Врангеля

Историки, считающие себя знатоками вопроса, снисходительно цедят сквозь зубы: «неполные воспоминания», обыватель отворачивается, бегло просмотрев содержание, – слишком много сухих подробностей минувших сражений: полузабытая Гражданская война. Врангель – личность неоднозначная и, спустя годы советской пропаганды, тесно связанная с давней борьбой помещиков против рабочих и крестьян. Между тем барон Петр Николаевич Врангель до сих пор так и не познан обществом, не объяснен в достаточной мере историками. Хотя ключ к познанию этой личности, на мой взгляд, лежит в его «Воспоминаниях». В это хочется верить, позабыв про десятки умных слов и комментариев на его счет бесчисленных заседателей блогосферы. Увы, почти все они, как и среда, породившая явление «блогеров», – суть продукта электронного мира, в котором нет сакральной силы документов и книг, и многое весьма упрощено, хотя еще больше – не познано, ибо не дошло до умов с ветхих страниц книг в мерцающие многозначительностью всезнания авторские странички сайтов.

Увы, эпоха нынешнего дилетантизма присуща в равной

степени – сайтам «историков» и академистам от науки, что дает о себе знать в качестве публикаций, «ленивом и малолюбознательном» подходе к тому, что вроде бы «давно известно».

Барону Врангелю не повезло и по части его официальных биографов. В последние годы за него «брались» столь разные люди, что собственные «Записки» оказались невольным противовесом зародившейся в последние годы литературе домыслов.

Между тем все гораздо шире и гораздо сложнее, чем можно подумать, читая книги «про Врангеля».

Воспоминания барона были впервые опубликованы в №№ 5–6 альманаха «Белое дело», последовательно выходившего в Берлине начиная с 1926 года при деятельном участии генерал-майора А.А. фон Лампе. Причин для публикации текста было более чем достаточно: поддержать боевой дух чинов РОВС, придать каноническую форму биографии его создателя и вдохновителя – последнего Главнокомандующего. Кроме этого, отметить в истории в наиболее выигрышном свете. Ни о чем личном речи идти не могло: время опубликования воспоминаний не предполагало сантиментов, и «железным наркомам» сталинского СССР должен был быть противопоставлен «железный рыцарь» Белого дела. В целом с задачей справились. Редакционная коллегия альманаха – титулованные дворяне германского происхождения – Светлейший князь Ливен, герцог Лейхтенбергский, да и сам Алексей

Александрович фон Лампе создали удачный исторический документ, добавивший политического веса Врангелю.

Все это должно лечь в основу работы современных и будущих историков военной эмиграции, изучаться на более глубоком уровне, нежели путем сопоставления публикаций современников, и в конечном итоге, реализоваться в виде отдельного исследования. Сами же воспоминания Врангеля хороши лишь как некая отправная точка, от которой будет отталкиваться исследователь.

Воспоминания Врангеля, до настоящего момента пользовались и пользуются все создатели его биографий, в разной степени пересказывая или интерпретируя текст. Это, по мнению современной исторической критики, во-первых, не приближает их произведения к степени увлекательности, и, во-вторых, они не создают ничего принципиально нового в жанре биографий замечательных людей эпохи. Что же, повторим снова: неудачи интерпретаторов не умаляют достоинства авторского текста, а они, без сомнения, имеются. Повествование связно, фабула ясна, хроника боевых действий не утомляет читателя излишними подробностями и специальной терминологией. Этого вполне достаточно любому образованному человеку, чтобы, ознакомившись с текстом, выделить и оценить те или иные его стороны.

Что бы ни говорили о Врангеле, как бы ни характеризовали его пока еще не до конца разгаданную нами личность, одно остается несомненным. Перед нами – неразгаданный ге-

рой, которого хотя и не отделяет от нас толща веков, но про которого с уверенностью можно сказать, что даже часть его жизни, нашедшая отражение на пятистах страницах канонического текста, ясна нам до мельчайших деталей.

И для разгадки этой тайны энтузиастам придется вновь и вновь возвращаться к «Запискам», по крайней мере, в течение еще ряда лет, а публикаторам продолжать свое благородное дело переизданий, ибо тиражировать «документ эпохи» не только полезно, но и благородно.

За этот труд их еще многократно поблагодарят потомки: ведь дело разгадки «белых пятен» в жизни барона Врангеля мы оставляем именно им.

Андрей Кравцов, 2012

Глава I. Освобождение Северного Кавказа

На Кубани

Мы вышли на пароходе Русского Общества «Король Альберт», чрезвычайно переполненном. С занятием добровольческими войсками Екатеринодара и Новороссийска на Северный Кавказ и в Черноморскую область спешило вернуться большое количество ранее бежавших от красного ига. В числе пассажиров было и несколько немцев, в том числе немецкий профессор с ассистентом, объезжавший по поручению военно-санитарного ведомства оккупационные немецкие войска на юге России. Мы с ним познакомились, и это знакомство оказалось нам полезным. Немецкое командование, не запрещая официально проезд на Дон и Кавказ стремившимся в армию добровольцам, исподволь чинило едущим всевозможные препятствия. В Керчи производился детальный осмотр документов пассажиров и все казавшиеся немецкой комендатуре «подозрительными» задерживались. Наше знакомство с немецким профессором избавило нас от осмотра. В Керчи мы простояли несколько часов и, воспользовавшись остановкой, сходили на берег. По словам жите-

лей, значительное количество бежавших из Новороссийска комиссаров при попустительстве немцев нашли убежище в Керчи и отсюда беспрепятственно выезжали на север.

Ростов мы нашли переполненным и очень оживленным. Как Киев для Украины, так и Ростов для Юга России стали временно столицами. Жизнь кипела ключом, общий порядок в городе ничем не отличался от дореволюционного, даже железнодорожные жандармы были те же, и лишь присутствие на вокзале немецкой комендатуры и изредка мелькавшая на улицах немецкая форма напоминали действительность.

Проведя в городе три дня и сделав необходимые покупки, мы выехали в Екатеринодар.

В отличие от Киева и Ростова Екатеринодар носил отпечаток прифронтового города. На улицах, в гостиницах и ресторанах мелькали исключительно военные формы. В войсковом собрании, куда мы прямо с вокзала поехали завтракать, я встретил многих знакомых. С трудом получив через коменданта города комнату и условившись по телефону с генералом Драгомировым вечером быть у него, я утром зашел в штаб армии.

Начальника штаба генерала Романовского и и. д. генерал-квартирмейстера полковника Сальникова я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, в

бытность мою в ее составе, полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7-й кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала, и оба принимали участие в так называемом «Ледяном походе». От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло.

Ко времени моего приезда в Екатеринодар в боевом составе армии числилось около 35 000 штыков и шашек при 80 орудиях. Списочный состав был во много раз больше – большое число офицеров и солдат осело в тылу и многочисленных штабах и канцеляриях. Штаб верховного руководителя генерала Алексеева, канцелярия помощника его по гражданской части генерала Драгомирова¹, штаб командующего армией генерала Деникина с многочисленными отделами были переполнены офицерами. Большое число офицеров, особенно старших начальников, числились в резерве командующего армией², ожидая отправки на фронт.

¹ Предполагавшийся отъезд генерала Алексеева в Сибирь не состоялся, и генералу Драгомирову по приезде в Екатеринодар была предложена эта должность.

² Армия состояла из: 1-й пехотной дивизии (генерал Казанович), 2-й пехотной (генерал Боровский), 3-й пехотной (полковник Дроздовский), 1-й конной (генерал Эрдели), 1-й Кубанской казачьей (генерал Покровский), 2-й Кубанской казачьей (полковник Улагай), Отдельной Кубанской казачьей бригады (полковник

В середине августа вся западная часть Кубанской области и север Черноморской губернии были освобождены от большевиков. Новороссийск, Екатеринодар и Ставрополь были в наших руках. Преодолевая сопротивление во много раз сильнейшего противника, наши части продолжали двигаться вперед: на правом фланге, в горах Черноморья, работали пластуны генерала Геймана; 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского вела бои в районе Майкопа, удерживавшегося большевиками; в районе станицы Петропавловской действовала 1-я конная дивизия; 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского наступала на город Армавир, упорно оборонявшийся красными; в районе Невинномысской сражалась 2-я пехотная дивизия генерала Боровского, имея на левом фланге в Баталпашинском отделе партизанов полковника Шкуро. К северо-востоку от Ставрополя, прикрывая тыл 2-й пехотной дивизии, действовала 2-я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая. В резерве Главнокомандующего находилась 1-я пехотная дивизия генерала Казановича. Состав войск был сборный – частью добровольцы, частью мобилизованные. Конница, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков – кубанцев и черкесов.

В пехоте, артиллерии и технических войсках было исключительно большое число офицеров. Был ряд чисто офицер-

ских частей.

Большинство старших начальников были мне неизвестны. Я близко знал лишь генерала Эрдели. Полковника Дроздовского, приведшего свои части с Румынского фронта, я знал лишь по Академии Генерального штаба, курс которой он проходил одновременно со мной. Генерала Покровского, произведенного в этот чин постановлением Кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой графом Паленом. В то время он состоял на службе в авиационных войсках в чине штабс-капитана. Незаурядного ума, выдающейся энергии, огромной силы воли и большого честолюбия, он в то же время был мало разборчив в средствах, склонен к авантюре. Наконец, полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе «партизанского отряда». Это был период увлечения Ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли, главным образом, худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова, был с участка корпуса отозван. Ге-

нералов Боровского, Казановича и Геймана я совсем не знал.

Снабжение армии было чисто случайное, главным образом за счет противника. Снабжение огнестрельными припасами частью производилось с помощью Дона, в обмен на некоторые необходимые Дону продукты. Технические средства почти отсутствовали, в медикаментах также ощущался крайний недостаток. Довольствие производилось исключительно за счет населения.

Силы противника исчислялись в 80 000 штыков и шашек при 100 орудиях. Располагая огромными запасами наших бывших армий, противник был несравненно сильнее и технически, однако неумелое руководство и отсутствие дисциплины сводили на нет это превосходство.

Вечером я посетил генерала Драгомирова. Он откровенно признался мне, что весьма тяготится чуждым ему родом деятельности; по его словам, он согласился принять должность помощника генерала Алексеева по гражданской части лишь ввиду усиленных настояний последнего и не имея возможности приложить свои силы на близко знакомом ему чисто военном деле. Он предложил мне на следующий день явиться к генералу Алексееву и к генералу Деникину. Однако первый по нездоровью не мог меня принять.

Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского. Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными, с значительной проседью уса-

ми, грубоватым, низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего Юго-Западного фронта он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства.

До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина. Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа, и я встречал его несколько раз; в минувшую войну я мельком видел его в Могилеве. Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова:

– Ну как же мы вас используем. Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас не много...

– Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

– Ну уж и эскадрона... Бригадиром согласны?

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу, – сказал ге-

генерал Деникин, указывая на начальника штаба, — он вам все расскажет.

Я оставил генералу Романовскому мой адрес, и он на другой день утром вызвал меня к себе. Он передал мне предложение командующего армией вступить во временное командование 1-й конной дивизией. Начальник этой дивизии генерал Эрдели получил специальную командировку в Грузию, и его отсутствие могло продолжиться значительное время. Между тем его заместитель, командир одной из бригад дивизии генерал Афросимов оказался не на должной высоте. Генерал Романовский дал мне понять, что генерал Эрдели по возвращении получит, вероятно, другое назначение, и явится возможность окончательно оставить дивизию за мной.

Я задал генералу Романовскому несколько вопросов об общем нашем стратегическом положении, задачах, поставленных дивизии, ее составе и т. д. Со своей стороны, генерал Романовский спросил меня о том, где находился я последнее время, по оставлении рядов армии, интересовался положением в Крыму, Украине, Белоруссии. Мой собеседник произвел на меня впечатление прекрасно осведомленного и очень неглупого. Приятное впечатление несколько портилось свойственной генералу Романовскому привычкой избегать взгляда собеседника. При наших последующих частых встречах эта особенность всегда корбила меня. От генерала Романовского я прошел в отдел генерал-квартирмейстера, где познакомился с исполняющим эту должность полков-

ником Сальниковым. Последний, совсем молодой офицер, держал себя с необыкновенной самоуверенностью и в то же время оказался не в состоянии ответить мне на ряд вопросов, имеющих прямое отношение к кругу его деятельности.

Известие о моем назначении вызвало большое удивление среди знакомых мне офицеров штаба. В Ставке строго придерживались выдвижения на командные должности исключительно «первопоходников», наиболее продолжительное время служивших в Добровольческой армии. Исключение для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников.

На другой день, 29 августа, я выехал по Владикавказской железной дороге на присоединение к дивизии, оперировавшей в Майкопском отделе.

Высадившись на станции Кавказская и переночевав в расположенном в станице обозе офицерского конного полка, входившего в состав дивизии полковника Дроздовского, я утром выехал в станицу Темиргоевскую, где находился штаб моей дивизии. Стоял прекрасный осенний день. По сторонам дороги тянулись недавно убранные поля, бесконечные бахчи с зелеными арбузами и золотистыми дынями, обсыпанные плодами фруктовые сады. Громадные станицы с каменными, покрытыми черепицей зданиями, паровыми мельницами, широкими площадями с белыми златоглавыми храмами посреди – все говорило о богатстве края. Наш возница, старый казак, всю дорогу рассказывал нам о том, как огра-

били его станицу большевики, как расстреляли стариков и как рады теперь казаки освобождению. Не доезжая станицы Темиргоевской, в небольшом хуторе Зеленчуковском, мы увидели группу казаков и лошадей. Оказалось, что это конвой командующего дивизией генерала Афросимова. Генерал Афросимов с командиром 1-й бригады полковником Науменко и старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым пили в хате чай. Моего приезда никто не ждал. Телеграмма о моем назначении и выезде запоздала. Отправив свои вещи с ординарцем в станицу Темиргоевскую, я остался на хуторе, решив вместе с генералом Афросимовым проехать на левый фланг дивизии, куда он направлялся. Дивизия вела наступление на станицу Петропавловскую, откуда накануне наши части были вытеснены красными. Наскоро напившись чаю, мы рысью проехали вперед. Вскоре мы заметили маячившую вдаль лаву. Это оказались части Уманского казачьего полка. Красные, теснимые с фронта 1-й бригадой и обойденные с фланга уманцами, отходили. Поздоровавшись с уманцами, я проехал далее по фронту и вскоре встретил 1-й Екатеринодарский казачий полк. Полк этот входил в состав сводного корпуса, которым я командовал в Галиции. Среди офицеров и казаков оказалось несколько старых моих сослуживцев. К вечеру мы прибыли в станицу Темиргоевскую, и, наспех пообедав, я с начальником штаба дивизии, старым сослуживцем моим по гвардии, бывшим лейб-драгуном полковником Баумгартеном засел знакомиться с делами.

1-я конная дивизия состояла из Корниловского конного полка, укомплектованного казаками разных отделов; 1-го Уманского и 1-го Запорожского из казаков Ейского отдела; 1-го Екатеринодарского из казаков Екатеринодарского отдела; 1-го Линейного из казаков-лабинцев и 2-го Черкесского, пополняемого черкесами заречных аулов Лабинского отдела. В дивизию входили 1-я и 2-я конно-горные и 3-я конная батареи. Все три батареи имели почти исключительно офицерский состав. При дивизии имелся и пластунский батальон весьма слабого состава. Технические средства в дивизии почти отсутствовали. Ни телефонов, ни телеграфов не было, но имелась радиостанция. Снабжение огнестрельными припасами, как и во всей Добровольческой армии, производилось исключительно за счет противника. Во время господства большевиков большинство оружия и патронов в станицах были запрятаны казаками, и при освобождении той или иной станицы казаки являлись в части в большинстве случаев вооруженными и с некоторым запасом патронов. Изредка штаб армии присылал добытые с Дона снаряды и патроны. При дивизии имелась небольшая санитарная летучка с доктором и несколькими сестрами, однако почти без всяких средств. Лекарств почти не было, перевязочный материал отсутствовал, бинты заготавливались из подручного материала. Бесперывные походы и бои, постоянно менявшийся состав частей, с одной стороны, вследствие значительной убитости, с другой – благодаря притоку новых людей из освобож-

денных станиц, сборный, часто чисто случайный состав офицеров делали почти невозможным правильное обучение и планомерную подготовку войск. Казаки каждый в отдельности дрались хорошо, но общее обучение и руководство хромали.

По мере очищения области от красных в станицах собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правление. Последнее брало на себя раскладку и доставку продовольствия и перевозочных средств. Оно же производило суд и расправу. По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конечно, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть, несомненно, сплошь и рядом играли роль, однако со всем этим приходилось мириться. Необходимость по мере продвижения вперед прочно обеспечить тыл от враждебных элементов, предотвратить самосуды и облечь, при отсутствии правильного судебного аппарата, кару хотя бы подобием внешней законной формы заставляли мириться с этим порядком вещей.

По данным штаба дивизии, силы находившегося против нас противника исчислялись в 12–15 тысяч человек, главным образом пехоты, при 20–30 орудиях. Конницы было лишь несколько сотен. Противник был богато снабжен огнеприпасами и техническими средствами. При красных

войсках имелось несколько броневых автомобилей, достаточные средства связи... Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо.

Общая обстановка к тому времени слагалась следующим образом: правее нас, в Майкопском отделе, действовала 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского из второочередных, одноименных с моими, полков. Связь с нею мы поддерживали лишь дальними разъездами. Левее нас, вдоль линии железной дороги Кавказская – Армавир, действовала 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, имея на правом фланге офицерский конный полк, разъезды которого связывались с нами. 1-я конная дивизия располагалась Черкесским и Линейным полками на левом берегу реки Лабы, прочими четырьмя полками – на правом. Дивизии ставилась задача разбить находящегося против нее противника и отбросить его за реку Уруп.

Поздно ночью было получено донесение о занятии станции Петропавловской нашими частями. Противник отошел на 10 верст южнее, к станции Михайловской, перед которой и окопался. Наутро я проехал в станцию Петропавловскую, при въезде в которую был встречен крестным ходом. Станичный сбор поднес мне хлеб-соль и вынес постановление о выборе меня почетным стариком станицы. Через несколько дней станичный сбор подвел мне коня, отличных форм кабардинца, поседланного казачьим седлом.

Занятая красными позиция с левого фланга прикрывалась

многоводным руслом реки Лабы, на левом берегу которой противником удерживался небольшой плацдарм, обеспечивающий мостовую переправу близ аула Кош-Хабль. К северу от станицы Михайловской позиция проходила по ряду холмов, прикрытая частью с фронта заросшим камышом и болотистой балкой «Глубокой», вдоль которой она тянулась на восток верст на 10–12 параллельно Армавир-Туапсинской железной дороге. Отсутствие удобных подступов при подавляющей численности и огневом превосходстве противника, в связи с почти полным отсутствием у нас патронов, дали возможность красным остановить наше продвижение. Ограничиваясь пассивной обороной, красные удерживали нас, неизменно останавливая все попытки наши продвинуться вперед. Для дивизии наступили тяжелые дни. В течение трех недель мы непрерывно вели бой, нащупывая уязвимый участок неприятельского фронта. Отчаявшись овладеть Михайловской фронтальной атакой, я дважды, сосредоточив главную массу сил на своем левом фланге, пытался нанести противнику удар, охватывая его с востока. Мне удалось, сбивши красных, бросить бригаду в тыл станице Михайловской и достигнуть Армавир-Туапсинской железной дороги у станции Андрей-Дмитриевка. Однако присутствие моей конницы в ближайшем тылу все же не побудило противника к отходу, и красные лишь загнули свой фланг, а затем с помощью бронепоезда и двух броневиков, подтянув силы, перешли в наступление, заставив казаков вернуться в исходное

положение.

Из Ставки я ежедневно получал телеграммы, требующие от меня «решительных действий», настаивающие на наступлении «минуя все препятствия». В то же время, несмотря на все просьбы мои о высылке огнеприпасов, Ставка таких прислать не могла. Отчаявшись овладеть позицией противника правильным наступлением, я, учитывая слабые боевые качества врага, решил сделать попытку прорвать фронт красных внезапным конным ударом. Лично произведя рекогносцировку, я с наступлением темноты провел два полка вброд через протекавший перед фронтом врага болотистый ручей, противником почти не наблюдаемый, и на рассвете бросил их в конную атаку. Полки пронеслись сквозь линию врага и дошли до самой станицы, но здесь с окраины были встречены убийственным пулеметным огнем и, понеся тяжкие потери, должны были вернуться назад. Убитые и раненые были все до одного вывезены.

Правее нас дивизия генерала Покровского, овладев Майкопом, удачно продвигалась к реке Лабе. Левее части полковника Дроздовского вели упорные бои, продвигаясь к Армавиру.

Все это время я старался возможно ближе стать к своим частям, ежедневно объезжая позиции, беседуя с офицерами и казаками.

Ближайший мой помощник, начальник штаба полковник Баумгартен, способный и дельный офицер Генерального

штаба, неустанно помогал мне в моей работе. Из двух командиров бригад я имел прекрасного помощника в лице командира 1-й бригады генерального штаба полковника Науменко, храброго и способного офицера. Зато другой командир бригады, престарелый генерал Афросимов, оказался совершенно неспособным. Я вынужден был вскоре отрешить его от должности. В командование бригадой вступил только что вернувшийся после ранения командир Запорожского полка, доблестный полковник Топорков.

Начальником артиллерии был генерал Беляев, прекрасной души человек, храбрый и добросовестный офицер. Командиры полков были большей частью молодые офицеры. Несмотря на большую доблесть, сказывалась их неопытность, отчего значительно страдала общая работа частей. Я каждый раз после дела собирал офицеров, разбирал операции, указывал на те или иные ошибки. Принял целый ряд мер по улучшению связи, лично проверял службу летучей почты. С превеликим трудом раздобыл в штабе армии несколько телефонных аппаратов и, захватив при одной из рекогносцировок запас телефонной проволоки, соединил штаб дивизии с начальниками боевых участков. Удалось получить в штабе армии и один автомобиль, что давало мне возможность почти ежедневно объезжать все полки. Жена моя достала в Екатеринодаре запас медикаментов и перевязочных средств, привезла их в дивизию и наладила работу летучки.

17 сентября, выехав на позицию, я встретил казака с до-
несением. Наши левофланговые разъезды доносили о дви-
жении нам в тыл колонны пехоты. По направлению это не
мог быть противник, о приходе же на мой участок каких-ли-
бо новых наших частей мне ничего известно не было. Я ре-
шил проехать лично, чтобы убедиться в обстановке. Вскоре
я встретил разъезд 2-го конного полка, от которого узнал,
что это подходит дивизия полковника Дроздовского. Про-
ехав еще, я встретил расположившийся на привале авангард
дивизии, при нем находился и сам полковник Дроздовский
со своим начальником штаба полковником Чайковским, ко-
торого я знал еще по Германской войне, в начале которой
он исполнял должность старшего адъютанта штаба 1-й гвар-
дейской кавалерийской дивизии. Оказалось, что полковник
Дроздовский получил из Ставки приказание, оставив заслон
в районе Армавира, атаковать Михайловскую группу крас-
ных с тыла. Двинувшись ночным маршем, колонна сбилась с
пути и вышла в тыл моим левофланговым частям. О задаче,
поставленной моему соседнему отряду, я предупрежден не
был, и прибытие частей дивизии полковника Дроздовского
было для меня полной неожиданностью.

Обсудив положение, мы наметили с полковником Дроз-
довским общий план действий: 3-я пехотная дивизия долж-
на была сменить мои полки на правом берегу Лабы и на рас-
свете 18 сентября атаковать противника с фронта. Одновре-
менно я с дивизией и офицерским конным полком должен

был выйти в тыл противника в районе станицы Курганной и перехватить пути отхода между реками Чамлыком и Лабой. Сосредоточив свои части, я до наступления рассвета двинулся в охват правого фланга позиции противника и, едва стало светать, подошел своими передовыми частями к линии Армавир-Туапсинской железной дороги, выйдя на главный путь отхода противника, дорогу Михайловская – Константиновская. Я шел с авангардом. Дозоры подходили к переезду, когда в предрассветной мгле блеснул огонь прожектора – подходил бронепоезд противника. Доблестный командир батареи полковник Романовский, снявшись с передков, открыл по бронепоезду беглый огонь. Орудия открыли огонь на расстоянии ружейного выстрела, однако, несмотря на удачные попадания (на месте нахождения бронепоезда остались целый ряд вагонных обломков и большие куски стальной брони), бронепоезд, дав задний ход, быстро скрылся. Мы перешли полотно железной дороги, взорвав путь в нескольких местах. Со стороны Михайловской слышалась сильная оружейная и ружейная стрельба – то вели наступление части полковника Дроздовского. Один из наших боковых отрядов захватил большевистский обоз до тридцати повозок, груженных овсом и хлебом. Со стороны Михайловской обнаружилось наступление цепей противника; одновременно со стороны станицы Курганной в охват нашего левого фланга показалось около полка конницы. Вскоре бой шел на всем фронте дивизии. Мы остановили наступление противника, но про-

двинуться вперед нам не удалось. Я сообщил начальнику 3-й дивизии о том, что мне удалось выполнить поставленную моей дивизии задачу, и с нетерпением ждал от него донесения. Около полудня огонь на фронте 3-й дивизии стал как будто стихать. Со стороны Михайловской показались новые густые цепи красных. Я находился на наблюдательном пункте, откуда прекрасно было видно наступление противника. Наши части медленно отходили. Я приказал артиллерии усилить огонь. Лежавший рядом со мной полковник Романовский взял трубку телефона, чтобы передать приказание, и вдруг ткнулся ничком, громко хрипя, – ружейная пуля пробила ему голову. Он прожил еще три дня и скончался в Екатеринодаре, куда был отвезен. Это был на редкость доблестный и талантливый офицер.

Около часу дня цепи красных показались и со стороны Курганной, охватывая наш фланг; одновременно конница противника стала на рысях обходить нас, угрожая перехватить мостовую переправу через реку Чамлык В резерве у меня были четыре сотни Корниловского полка. Я приказал им атаковать конницу красных. Сотни развернули лаву, двинулись вперед, но, попав под фланговый пулеметный огонь, смешались и стали отходить. Конница противника продолжала продвигаться. Положение становилось критическим. С захватом моста, имея в тылу болотистый, трудно проходимый Чамлык, мы могли оказаться в тяжелом положении; нашей артиллерии грозила гибель. Я послал приказание ча-

стям медленно отходить к переправе и артиллерии сниматься. Лава корниловцев быстро отходила. В сотнях заметно было замешательство. Я решил личным примером попытаться увлечь части за собой и, вскочив на лошадь, поскакал к отходящим корниловцам. Часть казаков повернула, другие приостановились. Стала отходить лава противника. Увлекая казаков криками, я бросился за противником, однако, обернувшись, увидел, что за мной следует лишь небольшая часть казаков, остальная лава крутилась на месте. Ружейный огонь был чрезвычайно силен. Пули свистали, шелкали о землю, вздымая пыль. Редко мне за мою продолжительную боевую службу пришлось бывать под таким огнем. Упал раненый мой значковый казак, у моего офицера-ординарца была убита лошадь. Батарея наша снялась, и было видно, как она отходит рысью к переправе. Немногие скакавшие еще за мной казаки стали постепенно отставать. Пришлось повернуть и мне. Выругав казаков, я приказал им спешиться и занять небольшой хуторок у переправы. Батарея благополучно перешла мост, полки медленно отходили к переправе, частью переправлялись выше по реке вброд. Наконец прибыло донесение от полковника Дроздовского; он сообщал, что атаки его дивизии успехом не увенчались. Части понесли жестокие потери, и он вынужден от дальнейшего наступления отказаться.

На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех, не удалась. Противник, отбив

наши атаки, несомненно, морально еще усилился. Недоволен был я и неудачной своей атакой. Части за мной не пошли. Значит, они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха... С наступлением темноты я отвел свои части, сосредоточив их за левым флангом 3-й пехотной дивизии.

3-я дивизия понесла тяжелые потери. Полковник Дроздовский не считал возможным в ближайшие дни возобновить атаки, между тем противник в районе Армавира перешел в наступление и оставшиеся на этом направлении части полковника Дроздовского оказались в тяжелом положении. Через два дня, по приказанию Ставки, 3-я пехотная дивизия вновь двинулась на Армавир, а мои полки заняли прежние свои участки. Несмотря на всю выгодность своего положения, противник не сумел использовать своего успеха и оставался пассивным.

Через несколько дней приехал в Петропавловскую командуящий армией со своим начальником штаба, в сопровождении нескольких человек конвоя. Генерал Деникин прибыл на автомобиле. Он завтракал в штабе дивизии, говорил со станичным сбором и смотрел находящийся в резерве Корниловский полк. Генерал Деникин был весьма недоволен действиями полковника Дроздовского в Михайловской операции. Он подробно расспрашивал меня об обстановке на моем участке. Части генерала Покровского, подойдя к Лабее, со-

здавали серьезную угрозу Михайловской группе красных, и генерал Деникин полагал, что в ближайшие дни можно ожидать отхода противника на этом направлении. Эти соображения разделял и я.

За несколько дней до приезда командующего армией было получено сведение о кончине в Екатеринодаре заболевшего тифом полковника Баумгартена. В дивизии его искренно жалели. Я просил генерала Деникина о назначении начальником штаба недавно прибывшего в Екатеринодар и писавшего мне оттуда генерала Дрейера, бывшего начальника штаба Сводного конного корпуса. Просьбу мою поддерживал и генерал Романовский; однако генерал Деникин решительно отказал. Он имел сведения о весьма будто бы неблагоприятной деятельности генерала Дрейера в Москве, где якобы Дрейер выдал немцам или большевикам какие-то офицерские организации. Я знал генерала Дрейера за выдающейся храбрости и талантливости офицера Генерального штаба. На предательство его я не считал способным. Впоследствии Дрейер потребовал над собой суда. Последний состоялся, и Дрейер был оправдан, однако в зачислении его на службу в Добровольческую армию генерал Деникин все же отказал.

25 сентября скончался основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев. С ним закончилась яркая страница героической борьбы русских патриотов. Его имя останется в нашей истории наравне с именами лучших русских людей.

Со смертью генерала Алексеева должность верховного руководителя упразднилась, а генерал Деникин принял звание главнокомандующего Добровольческой армией, помощником его по гражданской части оставался генерал Драгомиров, помощником по военной части был назначен генерал Лукомский.

В последних числах сентября противник на нашем фронте стал проявлять заметную нервность. Части генерала Покровского достигли реки Лабы, местами переправившись на правый берег в районе станиц Владимирской и Засовской, угрожая флангу и тылу находящегося против меня врага. По показанию наших лазутчиков, в станицу Михайловскую прибыл «красный главковерх» Сорокин, бывший фельдшер, уроженец станицы Петропавловской. В его присутствии состоялся ряд митингов, где говорилось о необходимости отхода; в тыл потянулись неприятельские обозы. Я приказал войскам быть особенно бдительными и, дабы не дать противнику возможности оторваться, непрерывно тревожил его набегам и частичными наступлениями. За истекший месяц в постоянных стычках и многих более крупных делах дивизия понесла большие потери. Много выбыло больными. Особенно значительное число заболеваний было в частях, расположенных вдоль болотистой балки «Глубокой». Вероятно, вследствие дурного качества воды наблюдалось много больных желудочными заболеваниями и малярией; появилось значительное число чесоточных. О напряженности бое-

вой работы частей дивизии за указанный период свидетельствуют цифры потерь: дивизия за август и сентябрь потеряла 260 офицеров и 2460 казаков – почти 100 процентов своей численности. Эти потери непрерывно пополнялись прибывающими укомплектованиями из недавно освобожденных Лабинского, Кавказского и Майкопского отделов.

В двадцатых числах сентября прибыла ко мне группа офицеров-кавалеристов, большей частью бывших офицеров Ингерманландского гусарского полка.

Из офицеров-кавалеристов я сформировал при дивизии ординарческий взвод. Впоследствии мне удалось его развернуть, и он послужил ядром к восстановлению Ингерманландского гусарского полка.

В ночь на 1 октября я получил донесение от командира Линейного полка полковника Мурзаева, что противником взорван железнодорожный мост в тылу Кош-Хабльского плацдарма и что неприятель оттягивает свои части на правый берег Лабы. Я немедленно сообщил об этом на сторожевые участки, приказал войскам при первых признаках отхода противника переходить в решительное преследование. На рассвете отход обнаружился на всем фронте, и я отдал приказ о переходе в общее наступление.

С этого дня война перенеслась в поле, где на первый план выдвигается не численность, а искусство маневра. С этого дня начинается победоносное движение наше, закончившееся полным поражением противника и очищением всего Се-

верного Кавказа.

Дивизия наступала двумя колоннами. Правая колонна, Корниловский и Екатеринодарский полки, под общим начальством командира Екатеринодарского полка полковника Муравьева, командовавшего бригадой, ввиду отсутствия уехавшего в отпуск полковника Науменко, двинулась через станцию Курганную, Родниковскую, Чамлыкскую и далее на станицу Безскорбную; левая: Уманский и Запорожский полки, под командой полковника Топоркова, через станцию Андрей-Дмитриевскую, хутора Синюхинские, на станицу Урупскую. Линейному и Черкесскому полкам, под общим командованием командира первого полковника Мурзаева, было приказано, переправившись в районе аула Кош-Хабль, следовать в станицу Константиновскую, составив мой резерв. Сделав все необходимые распоряжения, я на автомобиле в девять часов утра выехал в станицу Михайловскую. На площади меня ждали уже старики с хлебом-солью. Огромная толпа запрудила площадь. Когда я говорил с казаками, многие плакали. Большевики, уходя, забрали с собой из станицы заложников. Были увезены наиболее богатые хозяева, семья инспектора местного училища, один священник. Несколько стариков перед отходом красных были расстреляны.

1 октября было днем местного храмового праздника. Я присутствовал на службе, которая была особенно трогательна. Молились на редкость искренно и горячо. По окончании богослужения я вышел на площадь, куда к этому времени

стали стягиваться линейцы и черкесы. На левом фланге бригады построился под зеленым знаменем отряд стариков черкесов залабинских аулов. Командовал отрядом старик черкес, богатый коннозаводчик Шавгенов. Заречные аулы жестоко пострадали от большевиков, некоторые аулы были выжжены дотла, много черкесов расстреляно и замучено. В одном из аулов несколько десятков черкесов были живьем закопаны в землю. Старики черкесы обратились ко мне с просьбой вести далее на бой их сынов, их же просили отпустить в родные аулы. При этом они свидетельствовали, что по первому зову готовы все до одного стать рядом со своими сынами. Я отпустил их, благодаря за службу, и выдал им несколько десятков захваченных нами пленных, с тем чтобы их судил аульный суд. Едва я отошел, направляясь с бригадой в станицу Константиновскую, как черкесы, набросившись на пленных, тут же на глазах обывателей всех перерезали.

В станице Курганной я застал грабивших лавки и отбиравших у иногороднего населения лошадей казаков дивизии генерала Покровского. К моему негодованию, во главе грабителей оказалось несколько офицеров. Я приказал их привести к себе и предупредил, что ежели через час они окажутся еще в расположении моей дивизии, то я предам их тут же военно-полевому суду и расстреляю как мародеров. Через полчаса ни одного казака в станице уже не оказалось. Я телеграфировал генералу Покровскому о действиях его людей.

К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработался взгляд на настоящую борьбу не как на освободительную, а как на средство наживы. Конечно, трудно, почти невозможно было искоренить в казаках, дочиста ограбленных и разоренных красными, желание отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное. Почти все солдаты Красной армии имели при себе значительные суммы денег, в обозах красных войск можно было найти все, начиная от мыла, табака, спичек и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, пианино и граммофонами. В этот первый период Гражданской войны, где одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, где страсти с обеих сторон еще не успели утихнуть и озлобление достигало крайних пределов, о соблюдении законов войны думать не приходилось. Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добивали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части, со своей стороны, имея неприятеля и впереди, и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали. Живя исключительно местными средствами, имея недостаток во всем и не получая казенных отпусков, части невольно смотрели на военную до-

бычу как на собственное добро. Бороться с этим, повторяю, в первый период было почти невозможно. Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильное распределить между частями военную добычу. Впоследствии я добился, что захваченные у пленных деньги и все попавшее в руки войсковой части имущество распределялось бы между казаками особыми комиссиями из представителей сотен, а все имевшее исключительно боевое значение передавалось бы в дивизионное интендантство. Позднее, когда с помощью союзников организовано было общее снабжение наших армий, я добился сдачи войсковыми частями всей без исключения военной добычи. С самых первых дней нашей борьбы, не исключая тот период, когда мы жили только за счет военной добычи, я безжалостно наказывал всякий грабеж населения. В первые же дни прибытия моего в дивизию я повесил нескольких мародеров.

К сожалению, генерал Покровский, полковник Шкуро да и многие другие из старших войсковых начальников не пожелали или не сумели положить необходимый предел в первое время неизбежному злу, не провели резко и непреклонно грань дозволенного и недозволенного и в истории нашей борьбы это зло стало чревато последствиями.

Красные, имея пехоту на повозках, отходили чрезвычайно быстро. К вечеру наши части достигли линии станица Чамлыкская – хутора Синюхинские, пройдя за день 40–45 верст. Колонна полковника Топоркова нагнала в районе Синюхин-

ских хуторов арьергард противника, нанесла ему поражение и захватила более ста пленных, пулеметы и большой обоз.

В сумерках прибыл я в станицу Константиновскую, мне была отведена квартира в доме богатого домовладельца из иногородних. Последний, глубокий старик, встретив меня у порога сеней, упал мне в ноги, обливаясь слезами. Богатый человек, пользовавшийся среди всего населения станицы, как иногороднего, так и казачьего, всеобщим уважением, старик особенно пострадал от большевиков. Из пяти сыновей его двое при самом приходе красных бежали из станицы, и об участии их отец ничего не знал, двое были расстреляны на глазах отца, старший в течение 41/2 месяцев вместе с четырнадцатью казаками скрывался в самой станице. Эти несчастные были укрыты родственниками в подполье, куда ночью домочадцы доставляли им пищу, с величайшей опасностью выпуская их в горницы или во двор. Я видел этих людей — от четырехмесячного пребывания в спертom, сыром подполье без света их лица приобрели какой-то землистый оттенок и все они производили впечатление только что перенесших тяжкую болезнь. Старик, неоднократно арестованный, избег участи быть увезенным с другими заложниками лишь тем, что последние три дня просидел на току, зарытый в солому. На другой день старик разыскал одного из скрывшихся с приходом красных сыновей, оказавшегося в моей комендантской сотне. Другой сын его был также жив в одном из моих полков. Радость старика была безгранична.

С рассветом преследование возобновилось. Противник, спеша к переправам, быстро отходил перед нашими частями. Главная масса красных отступала к главной переправе у станицы Урупской, другая колонна направлялась к переправе у станицы Безскорбной. Приказав бригаде полковника Мурзаева следовать через хутора Синюхинские за левой колонной дивизии, я остался в станице Константиновской, дабы говорить со станичным сбором и отправить необходимые телеграммы. Закончив дела, я часов около десяти выехал на автомобиле на хутора Синюхинские. Я застал там линейцев и черкесов, расположившихся на привале. Лошади были заведены во дворы, люди пили чай. Мне передали донесение полковника Топоркова, он в шести верстах вел бой с прикрывающим переправу арьергардом противника. Я решил проехать к нему.

Полковник Топорков со штабом находился на артиллерийском наблюдательном пункте, небольшом кургане, тут же за курганом стояли два горных орудия, шагов в двухстах за скирдами соломы расположились в прикрытие батареи две сотни запорожцев, впереди маячила лава. Цепь противника залегла вдоль оврага, тянувшегося в полтора тысячах шагах перед фронтом. Пули посвистывали, долетая до наших батарей. Я оставил автомобиль близ прикрытия и пешком со старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым и ординарцем прошел к батарее. Расспросив полковника Топоркова об обстановке, я взял бинокль и только стал

рассматривать позицию красных, как услышал крик: «Конница!» Лава запорожцев, повернув, скакала на батарею, за ней из оврага поднималась густая лава красной конницы. Командир батареи подал команду «беглый огонь». Однако запорожцы продолжали скакать, преследуемые конницей противника; было ясно, что на плечах казаков красные ворвутся на батарею. Раздалась команда «на задки», но было поздно. Отдельные всадники уже проносились мимо нас. Поддавшись общему бегству, стоявшие в прикрытии две сотни запорожцев поскакали в тыл. Я, полковник Топорков и другие офицеры пытались остановить скачущих казаков, но тщетно. Все несло неуклонно. Отдельные неприятельские всадники стали подскакивать к орудиям, одно орудие опрокинулось. Я видел, как артиллерийский офицер выстрелил в одного из набросившихся на орудие всадников и как другой наотмашь ударил его шашкой. Окруженный несколькими красными кавалеристами, рубился полковник Топорков.

Я бросился к своему автомобилю, но, к ужасу, увидел, что машина, работая на холостом ходу, стоит, врезавшись передними колесами в пахоть. Далеко впереди мелькали бросившие машину шофер и его помощник. Я побежал к кукурузному полю, правей и левей меня скакали врассыпную казаки и бежали артиллеристы. Вокруг второго орудия шла свалка, раздавались выстрелы, сверкали шашки. Ко мне подскочил артиллерийский офицер: «Ваше превосходительство, возьмите мою лошадь», — я отказался, офицер настаивал, про-

должая ехать рядом со мной. «Лошади вашей я все равно не возьму, скачите в хутора, ведите сюда линейцев и черкесов, а также мой конвой и моих лошадей...» Офицер поскакал. Я продолжал бежать. Оглянувшись, я увидел трех всадников, скакавших ко мне. На ходу они нагнали какого-то бегущего солдата, раздался выстрел, и лошадь одного из всадников упала, остальные набросились на солдата, я схватился за револьвер, но, к своему ужасу, увидел, что кобура пуста: накануне я подарил мой револьвер начальнику черкесского отряда в обмен на поднесенный мне им кинжал и совсем забыл об этом. Шашки на мне не было, я был совсем безоружным. В эту минуту правее меня показалась мчавшаяся во весь опор лазаретная линейка. В ней сидели две сестры милосердия и лежал раненый офицер-артиллерист полковник Фок. Напрягши все силы, я пустился бежать за линейкой, догнал ее на ходу и вскочил. Красные всадники стали отставать. Отчаяние и злоба душили меня, гибель батареи, бегство запорожцев, бессилие мое остановить казаков, сознание, что мне доселе не удалось взять мои части в руки, поднимали в душе моей бурю негодования и горечи. Я всячески гнал лазаретную линейку и трепетно вглядывался вперед – помощь не подходила. Наконец мы нагнали солдата верхом на артиллерийском уносе. Взяв у него одного из коней, я верхом на неоседланной лошади, бросив линейку, поскакал и вскоре встретил идущих на рысях линейцев. За ними шли черкесы. Развернув бригаду, я повел ее вперед,

противник сразу стал быстро отходить за свою пехоту. Он успел увести оба орудия и мой автомобиль, забрав с собой своих раненых, и догола раздеть оставшиеся на месте боя трупы наших офицеров и солдат. Мы потеряли семь артиллерийских офицеров и несколько солдат-артиллеристов, зарубленных на самой батарее.

К вечеру наши части достигли реки Урупа, но обе переправы у станиц Урупской и Безкоробной все еще были в руках противника. Последний вел за них упорный бой. В течение последующих дней обе станицы несколько раз переходили из рук в руки. Наконец 7 октября под ударами полковника Муравьева пала станица Безкоробная, а в ночь на следующий день полковник Топорков выбил противника из станицы Урупской и занял последнюю. Дивизия заняла двумя полками ст. Урупскую и четыремя – ст. Безкоробную. Красные отошли на правый берег реки Урупа, где и закрепились на командующих высотах.

Правее нас, в районе станиц Попутная, Отрадная, действовали части генерала Покровского, на правом фланге которого, в Баталпашинском отделе, дрались казаки полковника Шкуро. Левее, между реками Урупом и Кубанью, наступала от Армавира выдвинутая в этом направлении 1-я пехотная дивизия генерала Казановича; продвигаясь вдоль линии Владикавказской железной дороги, она вела упорные бои. Туда прибыл генерал Деникин. Мне ставилась задача форсировать реку Уруп, ударить во фланг и тыл действующих

против генерала Казановича частей и отбросить их за реку Кубань.

Тщетно в течение почти двух недель пытались части дивизии форсировать реку Уруп. Противник, прикрывшись рекой, крепко засел на высоком скалистом гребне. Местность чрезвычайно затрудняла действие в конном строю, в патронах же ощущался огромный недостаток. Между тем генерал Казанович, выдвинувшийся было до станции Овечки, вынужден был затем с тяжелыми потерями отойти почти к самому Армавиру; с величайшим трудом он удержался лишь в самом углу между Кубанью и Урупом. Противник овладел станцией Коноково в пятнадцати верстах к югу от Армавира. Приказом генерала Деникина моя дивизия была подчинена генералу Казановичу, и последний требовал моей помощи, настаивая между прочим, чтобы я держался вплотную к его правому флангу, не соглашаясь с моими доводами, что, занимая уступное положение, я маневром могу несравненно лучше обеспечить его.

На рассвете 19 октября обнаружилось наступление противника в разрез между моими частями и дивизией генерала Казановича. К вечеру того же дня противник переправился в районе моей дивизии на левый берег Урупа между станицей и аулом Урупскими и продвинулся на 11/2-2 версты к западу от реки. Оставив у станицы Безскорбной слабый заслон (линейцев и черкесов), я в ночь на 20 октября перебросил к Урупской все свои остальные силы и с рассветом 20 октября,

объединив их под начальством только что вернувшегося из отпуска полковника Науменко, сам перешел в наступление.

В течение всего дня 20 октября велся упорный бой с тяжелыми потерями с обеих сторон. Противник был остановлен, и, несмотря на все усилия, ему не удалось расширить занятого плацдарма. В ночь на 21 октября обнаружился отход красных на правый берег Урупа. Используя сложившуюся обстановку, я решил широким маневром нанести противнику удар в тыл. Оставив на фронте хутор Абрахманова – аул Урупский запорожцев и уманцев с одной батареей, я ночным переходом перебросил два полка к станице Безскорбной. На рассвете ударная группа в составе четырех полков с двумя батареями под общей командой полковника Науменко в районе села Ливонского форсировала Уруп и, стремительно захватив командующий гребень на правом берегу реки, неожиданно вышла в тыл противнику. Около 12 часов дня я получил донесение об удачной переправе частей полковника Науменко. Приказав уманцам и запорожцам стягиваться к урупской переправе, я сам выехал на наблюдательный пункт. Дул пронзительный северный ветер. Я, кутаясь в бурку, наблюдал за противоположным берегом реки, где ясно были видны неприятельские цепи. Солнце стало клониться к западу, ветер крепчал, а признаков продвижения полковника Науменко все еще видно не было.

Но вот по занятому противником гребню замелькали черные точки. Они покрыли вскоре весь гребень, и издали каза-

лось, как будто движется муравейник. Видно было, как цепи противника быстро отходят за гребень. Я приказал батарее открыть беглый огонь и бросил полки в атаку. Быстро переправившись вброд, сотни развернулись, и вскоре лава казаков стала карабкаться на скалистый гребень. Где-то к востоку, в тылу у противника, слышался орудийный огонь – то вели наступление части полковника Науменко. Атакованный с фронта, фланга и тыла противник обратился в паническое бегство. Несмотря на сильное утомление людей и лошадей, преследование велось безостановочно всю ночь. К рассвету 22 октября части дивизии захватили село Моломино и станцию Успенскую, переправившись в этом пункте на правый берег Кубани. Армавирская группа красных, бывшая под начальством товарища «Демоса», была разбита наголову. Мы взяли более 3000 пленных, огромное число пулеметов (одна лишь 1-я сотня Корниловского полка захватила 23). В результате боя на Урупте противник очистил весь левый берег Кубани и 1-я пехотная дивизия генерала Казановича 22 октября без боя выдвинулась до станции Овечки.

Переночевав в станице Урупской, я на рассвете верхом, в сопровождении прибывшего накануне, назначенного в мое распоряжение и вступившего в исполнение должности начальника штаба Генерального штаба полковника Соколовского и нескольких ординарцев, выехал к станице Успенской. Навстречу нам попадались длинные вереницы пленных, лазаретные линейки с ранеными, тянулся под конвоем

казаков захваченный неприятельский обоз. Мы подошли к станице Успенской, когда на улицах станицы еще шел бой. Отдельные кучки противника, засев в домах, оказывали еще сопротивление. Полки собирались и строились на околице. Едва казаки увидели мой значок, как громкое «ура» загремело в рядах. Чувство победы, упоение успехом мгновенно родило доверие к начальнику, создало ту духовную связь, которая составляет мощь армии. С этого дня я овладел моими частями, и отныне дивизия не знала поражений.

Разбитый противник, переправившись через Кубань, бежал частью вдоль линии железной дороги прямо на Ставрополь, частью двинулся через станицу Убеженскую вниз по течению Кубани на Армавир, выходя, таким образом, в тыл частям 1-й пехотной дивизии. Город Армавир прикрывался лишь слабыми силами. По требованию генерала Казановича я выделил бригаду полковника Топоркова для преследования угрожавшей Армавиру неприятельской колонны. Бригада полковника Мурзаева продолжала действовать на левом фланге 1-й пехотной дивизии, наступавшей вдоль линии Владикавказской железной дороги по направлению на станицу Невиномысскую. Сам я с корниловцами и екатеринодарцами оставался в селе Успенском. Накануне части захватили значительное число пленных и большую военную добычу. Необходимо было все это разобрать и привести в известность. Генерал Деникин телеграфировал мне, благодаря дивизию за славное дело, и выражал пожелание, чтобы «этот

успех был началом общего разгрома противника». Вместе с тем мне приказывалось, оставив необходимое мне для снабжения моих частей оружие из военной добычи, остальное оружие направить в Армавир для вооружения формируемых там частей, туда же приказывалось мне направить пленных.

При дивизии моей имелись кадры пластунского батальона, сформированного когда-то из безлошадных казаков и добровольцев. Батальон этот в июле сильно пострадал, и ко времени принятия мною дивизии его численность составляла несколько десятков человек. Еще во время приезда генерала Деникина в станицу Петропавловскую я ходатайствовал о введении в штат дивизии стрелкового полка, который я намерал сформировать из иногородних, в значительном числе безлошадных, используя кадры пластунского батальона, где большинство людей были также не казаки. Вскоре после этого прибыли ко мне командированные Ставкой в мое распоряжение несколько офицеров из пехотных частей, в том числе два штаб-офицера, бывших кавказских стрелка, полковники Чичинадзе и князь Черкесов и несколько молодых офицеров. Все они были зачислены мною в пластунский батальон. Батальон этот вместе с некоторыми тыловыми учреждениями дивизии находился в станине Урупской.

Переговоривши с полковниками Чичинадзе и князем Черкесовым, я решил сделать опыт укомплектования пластунов захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных коман-

дилов, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем объявил остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, что я хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны Отечества. Тут же раздав им оружие, я поставил их в ряды пластунского батальона, переименовав последний в 1-й стрелковый полк, командиром которого назначил полковника Чичинадзе, а помощником его – полковника князя Черкесова. Одновременно я послал телеграмму Главнокомандующему, донося о сформировании полка и ходатайствуя о введении его, согласно данному мне обещанию, в штат. Уже через две недели стрелковый полк участвовал с дивизией в боях. Впоследствии он прошел с дивизией весь Кавказ, участвовал в Царицынской операции и оставался в рядах Кавказской армии все время ее существования. За это время полк беспрерывно участвовал в боях, несколько раз переменял свой состав и приобрел себе в рядах армии громкую славу.

Колонна противника, преследуемая по пятам полковником Топорковым, продолжая частью сил двигаться правым берегом реки Кубани, другой большей своей частью бросилась от станицы Убеженской на север, была настигнута полковником Топорковым в районе хутора Горькореченского и здесь разбита наголову. Остатки ее рассеялись. Окончательно истомленные продолжительными боями полки полковника Топоркова остановились в ночь с 25-го на 26-е на хуто-

ре Горькореченском. Между тем части противника, отходившие вдоль Кубани, атаковали в районе Армавира заслон 1-й пехотной дивизии и, нанеся ему большие потери, отбросили его к самому городу. Генерал Казанович требовал срочной помощи.

На рассвете 26 октября я с корниловцами и екатеринодарцами, переправившись через Кубань, спешно двинулся к Армавиру, одновременно послав приказание полковнику Топоркову также идти туда. Сильнейший ледяной северный ветер временами переходил в ураган. Полки могли двигаться лишь шагом. Плохо одетые казаки окончательно застыли. Около полудня наши обе колонны почти одновременно вошли в соприкосновение с противником, последний, уклоняясь от боя, бросился на северо-восток; здесь был перехвачен частями полковника Топоркова и жестоко потрепан. Во время боя я с полковником Науменко и несколькими ординарцами отъехал от колонны, желая подняться на гребень, откуда поле боя должно было быть особенно хорошо видно. Поднявшись на гребень, мы неожиданно наткнулись в 20 шагах на залегшую за гребнем, по-видимому ища укрытия от непогоды, неприятельскую заставу. Наше появление в тылу заставы было так неожиданно, что большевики совсем опешили. В ту же минуту застава была изрублена моими ординарцами.

Угроза Армавиру была устранена, и я приказал отходить на ночлег полковнику Топоркову в хутора Горькореченские, полковнику Науменко к станице Убеженской. Сам я проехал

в Успенское, где нашел телеграмму генерала Деникина, вызывавшего меня в Армавир.

Я застал поезд генерала Деникина на станции. Главнокомандующий пригласил меня к себе завтракать. Кроме меня завтракали генерал Романовский и генерал Казанович. Генерал Деникин был весьма доволен действиями дивизии и горячо меня благодарил. Таманская армия красных, осевшая главным своим ядром в районе Ставрополя (последний незадолго перед этим был нами оставлен), постепенно охватывалась кольцом наших войск. 2-я пехотная дивизия генерала Боровского и 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, оперировавшие вдоль линии Кавказская – Ставрополь, подходили к городу с северо-запада; с запада направлялась к Ставрополю моя дивизия; с юга вдоль линии Армавир-Ставропольской железной дороги шла дивизия генерала Казановича, имея правее себя части 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского. Наконец, с севера, отрезая пути к северу от железнодорожной ветки Ставрополь – Петровское, действовала 2-я Кубанская дивизия полковника Улагая. Я просил генерала Деникина обеспечить мне свободу действий, изъяв из подчинения генералу Казановичу. Несмотря на возражения последнего, к которому как будто склонялся начальник штаба главнокомандующего, генерал Деникин согласился со мной. Бригада полковника Мурзаева (линейцы и черкесы) временно оставалась в подчинении генерала Казановича. Взамен ее мне передавалась из 3-й пехотной дивизии бригада генера-

ла Чекотовского: Офицерский конный и 1-й Черноморский казачий полки.

Продолжая наступление, дивизия 28 октября подошла к станице Сенгилеевской. Противник, разбитый и подавленный предыдущими боями, оказывал слабое сопротивление и ночью, прикрывшись арьергардами, отошел на Ставрополь. 30 октября мои части подошли к Ставрополю и к вечеру закрепились на опушке леса к западу от города. Правофланговая бригада полковника Топоркова держала связь с частями генерала Казановича в районе села Татарка. На левом моем фланге части генерала Чекотовского соприкасались с частями 3-й пехотной дивизии полковника Дроздовского, левой которого, южнее станции Пелагиада, охватывая Ставрополь с севера, вела бой 2-я пехотная дивизия генерала Боровского. Мой резерв, корниловцы и екатеринодарцы, под общей командой доблестного командира Корниловского полка полковника Бабиева (полковник Науменко отбыл в Екатеринодар для участия в заседаниях Кубанской рады) сосредоточился в немецкой колонии Иогансдорф. Пути отхода противника на восток и северо-восток были отрезаны к северу от железнодорожной ветки Ставрополь – Петровское кубанцами полковника Улагая, к югу 1-й Кубанской дивизией генерала Покровского. К вечеру обе эти дивизии связались с соседями, и тактическое окружение Таманской армии красных было завершено.

В сумерки я объехал позиции; стоял туман, густой пеле-

ной нависший над городом. Последний казался вымершим. Не видно было ни одного огонька, изредка то здесь то там вспыхивали разрывы наших снарядов; глухие артиллерийские выстрелы доносились с северной части города. В наступавших сумерках резко стучали пулеметы. В роще, привязанные к деревьям, стояли казачьи кони, и, греясь вокруг костров, пили чай казаки. Продрогший, вернулся я в чистую и богатую колонию Иогансдорф и, напившись чаю с прекрасным местного изделия сыром, лег спать. На рассвете меня разбудили. Противник перешел в наступление, обрушившись на части полковника Дроздовского, 3-я пехотная дивизия понесла жестокие потери и, преследуемая противником, отходила на север вдоль линии железной дороги, при этом был ранен полковник Дроздовский. Левее 3-й пехотной дивизии, оставив станцию Пелагиаду, отступали и части генерала Боровского.

Подняв по тревоге резервную бригаду и приняв необходимые меры по обеспечению своего левого фланга, я приказал дивизии перейти в наступление, дабы облегчить положение соседей. Противник держался крепко. Недостаток в патронах почти исключал возможность действий в пешем строю, атаковать же конницей в лоб город было невозможно. Наше наступление могло вылиться лишь в демонстрацию. Между тем противник, продолжая теснить нашу пехоту, к вечеру 31-го подошел к самой станции Пелагиада. Я решил использовать выгодно складывающуюся обстановку и ударить во

фланг и тыл врага. Растянув бригаду полковника Топоркова, я с рассветом 1 ноября с четырьмя полками, скрытно пройдя лесом, неожиданно вышел в тыл противника и, развернув 1-ю бригаду, атаковал его. Не ожидавшие удара красные бросились к Ставрополю, преследуемые полковником Бабиевым с Корниловским полком и несколькими сотнями екатеринодарцев. Вскоре длинные колонны пленных потянулись к лесу. Полковник Бабиев на плечах бегущих приближался к городу. Я выслал заслоном к северу Офицерский конный полк и с оставшимися в моем распоряжении несколькими сотнями екатеринодарцев и черноморцев направился к расположенному в предместье города монастырю. Там засели красные, поражая корниловцев фланговым огнем. Вскоре около нас стали посвистывать пули. Огонь учащался, несколько казаков и лошадей было ранено. Развернув полки, я выхватил шашку и лично повел их в атаку. Дружно, громко раздалось «ура», сотни понеслись. Огонь стал беспорядочным, притих, и наконец врассыпную из монастырской ограды и улочек поселка побежали люди. Мы ворвались в поселок. Кое-где на улице шла рубка...

Спешив сотни, я занял околицу, приказав отвести коней за монастырскую ограду. Стали прибывать раненые, их перевязывали тут же, у монастырских стен. Но вот из монастырских ворот вышел батюшка и несколько монахинь. Пули свистели и щелкали о каменную ограду, тут же хрипела и билась раненая лошадь, но вышедшие, казалось, не виде-

ли этого. С крестом в руке, кропя святой водой казаков, шел иеромонах, спокойно и безмолвно обходили раненых монахи, предлагая хлеб и чай. Мать игуменья тут же под огнем благословила меня иконой. Трогательная картина крепко врезалась в мою память...

В монастыре мы нашли двух офицеров, которые в течение нескольких дней укрывались здесь, переодетые монашками.

Около полудня я получил донесение полковника Бабиева, он со своими славными корниловцами ворвался в самый город, захватил вокзал и стоявший там бронепоезд противника. Бабиев доносил, что пока держится, но что патронов мало и что красные, засев в домах, дерутся отчаянно. Он просил подкреплений. Я выслал ему две сотни и послал донесение главнокомандующему, прося присылки каких-либо частей для закрепления достигнутого успеха. Через несколько часов я получил ответ, что ко мне спешно двинуты на помощь один полк стрелков из дивизии генерала Казановича и инородческий дивизион от полковника Дроздовского. Между тем, перейдя в наступление, противник к вечеру после жестокого боя выбил из города части полковника Бабиева и вновь овладел вокзалом. Его попытки выбить нас из монастыря успехом не увенчались. Части полковника Топоркова к вечеру несколько продвинулись вперед, захватив городской питомник. Поздно ночью подошли инородцы, а на рассвете стрелки, которых я направил к полковнику Топоркову. Туда же перебросил я и бригаду Чекотовского, решив

использовать сосредоточение противником большей части своих сил против моего левого фланга. Около девяти часов подошел высланный в мое распоряжение наш броневедомо-мобиль «Верный». Послав вперед лошадей к полковнику Топоркову, я на броневике проехал к нему и отдал приказ ударной группе – запорожцам, уманцам, черноморцам, Офицерскому конному полку и стрелкам – при поддержке «Верного» перейти в общее наступление.

Я в предыдущую ночь не ложился и, вернувшись в монастырь, лег спать и заснул как убитый. В четыре часа меня разбудили, ординарец передал мне донесение полковника Топоркова. После жестокого уличного боя, где неприятель отчаянно отстаивал каждый дом, части полковника Топоркова овладели городом.

Я с трубачами и конвоем проехал в Ставрополь. В городе кое-где шла еще перестрелка. На улице и тротуарах лежали убитые лошади, опрокинутые повозки, трупы красноармейцев. Услышав звуки трубачей, народ выбегал на улицу. Многие крестились, плакали, некоторые совали в руки казакам хлеб, папиросы, деньги. Пожилая женщина, бросившись к моей лошади, схватила за стремя и пыталась поцеловать мою руку.

Город под владычеством большевиков пережил ужасные дни. Последние недели в связи с поражением красных на Урале начались разногласия и раздоры в верхах армии. Борьба между красными вождями закончилась расстрелом в

Ставрополе красного главковерха фельдшера Сорокина. Последние дни город был объят анархией. По всему городу шли самочинные обыски и расстрелы. Многих несчастных перед смертью подвергали жестоким пыткам. Во дворе губернаторского дома, где я остановился, мы нашли несколько десятков трупов жертв, расстрелянных по приговору помещавшегося в доме комиссарского суда. Некоторые трупы были с отрубленными пальцами, у других оказались выколотыми глаза.

При отступлении из города противник оставил огромную военную добычу. Склады с мануфактурой, сукном, обувью, подковами и т. д., все это необходимо было уберечь от расхищения и привести в порядок. Я издал приказ, коим объявлял населению, что впредь до прибытия гражданских властей всю полноту военной и гражданской власти принимаю на себя, и требовал в течение 24 часов сдачи населением всего оружия, предметов военного снаряжения и укрывающихся в городе большевиков.

Комендантом города я назначил ротмистра Маньковско-го, бывшего моего сослуживца по Уссурийской дивизии, недавно прибывшего на Кубань, предоставив в его распоряжение дивизион инородцев. Ротмистр Маньковский отлично справился со своей задачей, хотя задача эта была далеко не легкая. В огромном незнакомом городе при отсутствии местной администрации, значительном скоплении войск и естественном озлоблении пострадавшего населения против всех, кто так или иначе был причастен к большевикам, под-

держат порядок было крайне трудно. На следующий день после занятия города имел место возмутительный случай. В один из лазаретов, где лежало несколько сот раненых и больных красноармейцев, ворвались несколько черкесов и, несмотря на протесты и мольбу врачей и сестер, вырезали до 70 человек прежде, нежели, предупрежденный об этом, я выслал своего ординарца с конвойными казаками для задержания негодяев. В числе последних, по показанию очевидцев, находился один офицер; к сожалению, преступники успели бежать.

Другой случай был почти такого же порядка. На другой день по занятии нами города ко мне явился офицер, отрекомендовавшийся хорунжим Левиным, начальником особого отряда при ставропольском губернаторе. Хорунжий Левин по занятии Ставрополя красными оставил город со своим отрядом и ныне вернулся, предоставив себя и своих людей в мое распоряжение. Я приказал ему принять в свое ведение тюрьму, где находились пленные красноармейцы и задержанные в городе большевики. Через несколько часов мне дали знать, что хорунжий Левин расстреливает арестованных. Я немедленно приказал хорунжего Левина арестовать, однако он успел расстрелять несколько десятков человек. По прибытии в город губернатора полковника Глазенапа я передал ему хорунжего Левина, и дальнейшая судьба его мне неизвестна.

3 ноября прибыл в Ставрополь генерал Деникин. Он про-

вел в городе всего несколько часов, выслушав доклад мой, и обещал, если позволит обстановка, дать отдохнуть дивизии. 4-го или 5-го прибыл в Ставрополь военный губернатор Ставропольской губернии полковник Глазенап со своим штабом. Последний произвел на меня самое скверное впечатление. За исключением начальника штаба полковника Генерального штаба Яковлева, который, видимо, относился к делу добросовестно и внимательно, остальные чины штаба вели себя самым непозволительным образом. В самый день приезда полковника Глазенапа я вынужден был в городском театре, где был устроен спектакль для казаков, арестовать личного адъютанта губернатора и двух других чинов его штаба за непристойное поведение в пьяном виде.

В ногайских степях

Противник, оставив Ставрополь, отходил главной массой сил на Петровское, удерживая арьергардными частями линию деревень Надеждинское, Михайловка, Пелагиада, местами делая попытки перейти в наступление.

На рассвете 6 ноября я получил приказание Главнокомандующего, штаб которого находился на станции Рыздвяная, помочь нашей пехоте, которую в районе деревни Михайловка противник сильно теснил. Подняв по тревоге дивизию, на рысях выдвинулся к железнодорожному поезду на дороге из Монастыря к Михайловке, перешел через полотно железной дороги и, приказав 1-й бригаде и черноморцам наступать в пешем строю, бросил уманцев и запорожцев в атаку. Славные части полковника Топоркова прорвали фронт противника и на его плечах ворвались в Михайловку. Здесь было изрублено много красных. Преследуя отходящих, наши части захватили до тысячи пленных и огромный обоз, причем обоз одной из красных дивизий был захвачен в полном составе. Противник отступал на северо-восток вдоль дороги Михайловка – Дубовка – Казинка. Я послал приказание преследовать его по пятам, а сам перешел со штабом в село Михайловку. Вечером я получил приказание генерала Деникина прибыть к нему на станцию Рыздвяную.

Я верхом поехал на станцию Пелагиада. Стоял густой ту-

ман. Луна сквозь пелену тумана освещала зеленым светом тянущиеся по сторонам дороги хаты, широкую, покрытую лужами улицу. На дороге лежали не убранные еще трупы людей и лошадей. На площади стояла огромная лужа. Мой конь боязливо шархнулся – у самых ног лошади из лужи смотрело оскаленное лицо мертвеца, труп затянуло в грязь, и видно было одно мертвое лицо. Несколько шагов далее из воды торчала окоченелая рука. Конь храпел, вздрагивал и бросался в стороны.

Я застал поезд генерала Деникина на станции Рыздвяная. Главнокомандующий горячо благодарил меня за последнее дело и сделал высокую оценку действий моих частей в течение всей Ставропольской операции. Одновременно генерал Деникин объявил мне о назначении меня командиром 1-го конного корпуса, в состав которого кроме моей дивизии включалась 2-я Кубанская дивизия полковника Улагая. Последняя прорвавшимся из Ставрополя на северо-восток противником была оттеснена из района деревень Дубовка – Тугулук и ныне располагалась в районе села Донского. 1-му конному корпусу приказывалось продолжать преследование Таманской красной армии, действуя к северу от железнодорожной линии Ставрополь – Петровское. К югу от этой линии наступали части генерала Казановича и генерала Покровского.

Генерал Деникин спросил меня, кого я намечаю на должность начальника штаба корпуса. Я просил назначить пол-

ковника Соколовского, работой которого за последние дни я был очень доволен. Присутствующий при разговоре генерал Романовский заметил, что полковник Соколовский для этой должности как будто молод, но генерал Деникин подержал меня и тут же поздравил полковника Соколовского с назначением. Я наметил сосредоточить корпус в районе деревни Тугулук, о чем и послал приказание полковнику Улагаю. Полковник Топорков вступил в командование 1-й дивизией.

В вагоне генерала Деникина встретил я начальника 2-й пехотной дивизии генерала Боровского. Последний имел в армии репутацию большой личной храбрости, но сильно запивал. По общим отзывам, это последнее и послужило причиной оставления Ставрополя нашими войсками. В армии говорили, что генерал Боровский «пропил Ставрополь».

7 ноября полковник Топорков разбил врага у Дубовки и вновь захватил пленных и большой обоз. 8 ноября одновременной атакой 1-й конной дивизии с юга и 2-й Кубанской дивизии с запада мы овладели Тугулуком и Казинкой. Неприятель, разбитый наголову, бежал на Константиновку и Кугульту, оставив в наших руках вновь большое количество пленных и военной добычи. 10 ноября части корпуса одновременно овладели: 1-я конная дивизия – селом Константиновкой, 2-я Кубанская – селом Благодатным. В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше победное шествие уже не могли. 11 ноября после обе-

сточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железной дороги. Здесь вновь мы захватили пленных, пулеметы и одно орудие. К корпусу присоединились наконец линейцы, черкесы же остались при дивизии генерала Казановича. Между тем части последнего, встречая упорное сопротивление, продвигались весьма медленно и к 11 ноября подошли лишь к селу Спицевка, которое противник продолжал прочно удерживать.

Таким образом, мой корпус оказался значительно выдвинутым вперед. Бой под Петровским окончился в полной темноте. Я со штабом остался ночевать в селе Константиновка. Тут же расположились обозы 1-го разряда, радиостанция и летучка Красного Креста.

На рассвете мы были разбужены шедшей в селении перестрелкой. По-видимому, предупрежденные кем-либо из местных большевиков, красные, воспользовавшись выдвинутым положением корпуса, выслали отряд для нападения на наш тыл. Около двух рот пехоты, посаженных на повозки, при двух орудиях прошли ночью от Спицевки к Константиновке и, сбив наши посты, подошли к самой деревне. Около взвода красных ворвалось в самую деревню, произведя сильный переполох. В прикрытии обоза находилась полусотня, около тридцати казаков, столько же почти было у меня в конвое. О сопротивлении думать не приходилось. Будь красные решительнее, они могли захватить нас всех. Однако большевики действовали вяло, обстреливали село, но атаковать нас

не решались. К тому же обозы, имея приказание с рассветом переходить в Петровское, были уже запряжены, люди не спали и паники особой не было. Мы успели кое-как одеться, поседлать коней и выскочить из села, однако обоз двух полков и наша летучка были захвачены противником; доктор успел бежать, но сестра попала в плен. Красные захватили было и нашу радиостанцию, но начальник артиллерии генерал Беляев, едва сам успевший выскочить в одной рубашке из дому, собрав вокруг себя несколько десятков артиллеристов и обозных казаков, радиостанцию отбил.

К полковнику Топоркову, части которого занимали ряд хуторов к югу от Петровского, прискакало несколько вырвавшихся из Константиновки обозных казаков и сообщили ему, что я со всем штабом захвачен в плен. Полковник Топорков спешно выслал в Константиновку запорожцев, при приближении которых красные, бросив Константиновку, отошли, уведя наших пленных и разграбив захваченный обоз. Большинство наших вещей пропало, в том числе и ряд моих документов.

Между тем в районе села Петровского противник с рассветом перешел в наступление. Части полковника Улагая держались, но положение его было тяжелое, главным образом ввиду недостатка патронов. Я поехал к нему и, подъезжая к Петровскому, нагнал казака с приказанием от генерала Чайковского, заменившего временно командовавшего отдельной бригадой генерала Чекотовского. Генерал Чайков-

ский писал полковнику Улагаю о том, что «командир корпуса со штабом попал в плен, что он, генерал Чайковский, как старший, вступает в командование корпусом и приказывает немедленно начать отход». Расписавшись в прочтении, я тут же на приказании написал «в плен не попадал, приказываю наступать» и отправил казака обратно. До самого вечера части наши удерживали свои позиции, однако к вечеру, расстреляв патроны, вынуждены были отходить. Отдав распоряжение полковнику Топоркову оттягиваться к Константиновке, я проехал к полковнику Улагаю, части которого все еще держались на гребне к северу от Петровского. Приказав ему также стягивать свои части и отходить на Благодатное, я вдвоем с офицером-ординарцем, бывшим моим однополчанином по Конной гвардии ротмистром князем Оболенским, недавно прибывшим в корпус, спустился в село Петровское, чтобы догнать отходящие на Константиновку части. Солнце скрылось за горизонтом, сумерки быстро сгущались. Огромное село Петровское казалось мертвым. Последние разъезды оставили местечко, жители, ожидая прихода красных, боязливо попрятались по домам. Вперед нас у железнодорожной переправы еще слышались выстрелы. Я толкнул лошадь крупной рысью, спеша скорее выйти из местечка. Вот и река Калаус. Впереди чернеет железнодорожный мост. Неожиданно из соседней улицы затрещали выстрелы и несколько пуль просвистали у самого уха. Наметом выскочили мы на мост. Красные продолжали стрелять, и пули шелкали по на-

стилу моста. Подо мною был серый конь, недавно подаренный мне полковником Мурзаевым, казаки которого отбили коня у красных. Светлая лошадь была в темноте хорошо видна и давала возможность красным пристреляться. Князь Оболенский толкнул своего коня и, обогнав меня, поскакал со мною рядом, заслонив от выстрелов. «Ты куда, назад», — крикнул я, но он, прикрывая меня собой, продолжал скакать рядом... Мы проскочили мост и вскоре нагнали нашу заставу...

С рассветом противник возобновил наступление. Прикрывая Константиновку и Благодатное, корпус в течение всего дня удерживал свои позиции. Патроны были совсем на исходе, в запасе ничего не имелось. Я второй день телеграфировал в Ставку, прося срочной присылки огнеприпасов, разослал ординарцев в Ставрополь и к генералу Казановичу с просьбой помочь патронами. Начальники частей не переставали требовать скорейшей присылки огнеприпасов, донося, что дальше держаться не могут. Положение становилось тяжелым, раньше полудня 14-го я подхода транспорта с патронами ожидать не мог. Между тем дальнейшее наступление противника грозило потерей Константиновки, что создавало угрозу левому флангу соседней дивизии генерала Казановича. Наступила ночь. Полки заночевали на позициях. В десять часов вечера прибыл от полковника Топоркова офицер-ординарец и привез перехваченный приказ противника, в коем красным приказывалось в шесть часов утра

14-го перейти в общее наступление. Я решил вырвать у противника инициативу и самому атаковать его прежде, чем он успеет перейти в наступление. Тут же по телефону я отдал необходимые приказания начальникам дивизий. Оставив на позиции у Константиновки полковника Топоркова с одной спешенной бригадой, я сосредоточил все остальные части к своему левому флангу в районе хуторов Писаренки на полдороге между Благодатным и Петровским, объединив их под общим начальством полковника Улагая. Все оставшиеся еще в корпусе патроны были переданы полковнику Топоркову, для чего их отобрали у казаков частей полковника Улагая, обозных и в тыловых командах. Едва засерел восток, полковник Улагай построил свои части в боевой порядок и в пять часов, за час до намеченного приказом противника наступления, атаковал последнего в конном строю, прорвал фронт и обрушился на неприятельские полки, не успевшие еще закончить сосредоточение к месту атаки. Красные были окончательно ошеломлены и обратились в паническое бегство, преследуемые казаками, стремясь укрыться за Калаус. Значительное число красных было изрублено, многие потонули в реке, наши части вновь овладели Петровским и в последующие дни с помощью подошедшего ко мне пластунского батальона закрепились на высотах к северу и востоку от местечка.

Я решил использовать выдвинутое положение моих частей, помочь генералу Казановичу. 21 ноября, оставив за-

слоном на фронте Донская балка – Петровское – Николина балка 2-ю Кубанскую дивизию, я сосредоточил в районе железнодорожной станции Кугуты 1-ю конную дивизию и сводную бригаду под общим начальством полковника Топоркова и, выдвинувшись ночным переходом к югу, на рассвете 22 ноября атаковал у села Спицевки красных, действовавших против генерала Казановича, в тыл. Противник был разбит наголову. Мы захватили 2000 пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. 1-й армейский корпус к вечеру 22 ноября подошел к реке Калаус.

Я верхом выехал встречать возвращающиеся полки. Навстречу попадались конвоируемые казаками группы пленных, лазаретные линейки с тяжело ранеными, отдельные легко раненные. Встречавшиеся раненые казаки весело отвечали на приветствие. По одному ответу видно было, что дело удачное. Навстречу ехал накрытый брезентом транспорт. На облучке сидело два казака, я поздоровался. Казаки ответили как-то угрюмо.

– Как дела? – спросил я.

– Плохо, командира полка убили.

Тут только заметил я свешивающиеся с транспорта из-под брезента ноги, я снял шапку и перекрестился:

– Кого именно?

– Их высокоблагородия, полковника Мурзаева.

Смерть полковника Мурзаева была тяжелой потерей для корпуса. Это был способный, редкой доблести и огромного

порыва начальник.

23-го полки вернулись с набега, а 24-го с рассветом противник вновь перешел в наступление у Петровского. К девяти часам утра, потеснив наш правый фланг, противник овладел рядом хуторов к югу от местечка и в 7 верстах южнее Петровского захватил железнодорожный путь. Около полудня 1-я дивизия перешла в контратаку. Полковник Топорков отбросил противника за Калаус и, прижав его к скалистому гребню в районе Донская балка, разбил наголову. Мы вновь захватили 1500 пленных, 30 пулеметов и батарею в полной запряжке. Преследуя врага, наши части выдвинулись на линию хутор Бурнева – озеро Маховое – Камбулат. В течение четырех дней нами взято 3500 пленных, 70 пулеметов, 11 пушек и большое число обозов.

Я получил телеграмму от главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством за отличия в генерал-лейтенанты.

Успехами корпуса я обязан был блестящей работе моих ближайших помощников, начальников дивизий. Я представил полковников Улагая и Топоркова, а также отсутствующего полковника Науменко к производству в генерал-майоры.

Все три были достойнейшие офицеры. Полковники Топорков и Улагай оба отлично командовали своими дивизиями. Первый, выслужившийся из казаков, природным чутьем отлично разбирался в обстановке. Совершенно исклю-

чительной храбрости, огромного порыва и ничем не поколебимой твердости, он всегда близко стоял к своим войскам, жил с ними одной жизнью, разделяя все тягости боевой службы и увлекая в тяжелые минуты личным примером. Раз отданное начальником приказание полковник Топорков неуклонно выполнял, не считаясь ни с какими препятствиями; в этом отношении он иногда пересаливал и в стремлении выполнить поставленную задачу нес подчас излишние потери. Полковник Улагай был натурой несравненно более сложной; нервный, до болезненности самолюбивый, честный и благородный, громадной доблести и с большим военным чутьем, он пользовался обаянием среди своих офицеров и казаков. Отлично разбираясь в обстановке, он умел ее использовать, проявить вовремя личный почин и находчивость. Обладая несомненно талантом крупного кавалерийского начальника, он имел и недостатки: неровность характера, чрезмерную, иногда болезненную обидчивость, легко переходил от высокого подъема духа к безграничной апатии, приступая к выполнению задачи, готов был подчас искать в ней непреодолимые к этому препятствия, но, раз решившись на что-нибудь, блестяще проводил решение в жизнь.

К концу ноября наши части вышли на линию реки Калаус. От Невинномысской вдоль линии Владикавказской железной дороги наступала наша пехота (10 000 штыков и шашек, 30 орудий), объединенная под начальством генерала Ляхова, долгое время в Персии командовавшего нашими казака-

ми. На правом фланге его в Баталпашинском отделе работали казаки полковника Шкуро. К северу от частей генерала Ляхова действовал 1-й армейский корпус (1-я Кубанская и 1-я пехотная дивизии, 6800 штыков и шашек, 21 орудие) под общим начальством бывшего начальника последней храброго генерала Казановича. Далее в районе Петровского находился мой корпус (6200 штыков и шашек, 20 орудий). Левее меня, к югу от Маныча в районе Большой и Малой Джалги, станицы Винодельное и Предтеча, оперировал отряд из трех родов войск генерала Станкевича (2–3 тысячи, при 4 орудиях). Против наших частей находилась XI армия красных, общей численностью около 70 000 штыков и шашек при 80-100 орудиях, расположившихся в 4 группах: против генерала Станкевича между озером Маныч и с. Овощи – 15 000; против моего корпуса – 10 000; против частей генерала Казановича – 10 000; против генерала Ляхова – 20 000. В резерве в районе Кизляр – Моздок – Грозный – 12 000. В последних числах ноября красные перешли против частей генерала Станкевича в наступление и после ряда боев оттеснили их почти до железнодорожной линии Торговая – Великокняжеская, заняв села Тахра и Немецко-Хатинское. Важный для нас железнодорожный путь Торговая – Екатеринодар находился под угрозой. Приказом генерала Деникина отряд генерала Станкевича был подчинен мне, и я получил задачу, удерживая Петровское, разбить группу красных, действовавших против частей генерала Станкевича, отбросить

ее за реку Калаус и прочно прикрыть ведущие к Торговой пути к югу от Маныча.

Оставив заслон в районе Петровского, 1-й конный корпус перешел в наступление на север и, двигаясь обоими берегами реки Калаус, разбил противника у Николиной Балки, Предтечи и Винодельного. Под угрозой быть прижатым к болотистому Манычу неприятель начал поспешный отход на восток. Генерал Станкевич перешел в наступление. К 1 декабря поставленная корпусу задача была полностью выполнена. Вверенный мне отряд занял широкий фронт Петровское – Винодельное – Кистинское.

За последние три месяца части корпуса пополнились. Освобожденная Кубань дала в полки значительные пополнения, и, несмотря на большие потери в непрерывных боях, боевой состав частей стал вполне достаточным. Пополнились значительно артиллерия, технические и тыловые команды. Все эти части укомплектовывались главным образом за счет пленных красноармейцев. Также пополнился и стрелковый полк полковника Чичинадзе, работавший прекрасно. После разгрома на Урупe и Кубани красные, стремясь пополнить свои поредевшие ряды, стали прибегать к широкой мобилизации, штыками и пулеметами заставляли идти за собой население из ближайших прифронтовых деревень. Поставленные насильно в ряды дрались, конечно, неохотно, при первой возможности сдавались в плен и в наших рядах, сражаясь за освобождение родных сел, дрались отлично. Прав-

да, по мере очищения области от красных и продвижения наших войск вперед часть из этих пополнений, освободив родное село или хутор, пытались всячески уклониться от дальнейшей службы, но все же значительный процент продолжал добросовестно служить. Огромная, попавшая в наши руки после разгрома Таманской армии добыча дала возможность полностью снабдить всем необходимым части, создать полковые, дивизионные и корпусные запасы. Из захваченных повозок были сформированы санитарные, артиллерийские и интендантские транспорты. Попавшие в наши руки технические средства в связи со значительными развитыми местными телеграфными линиями дали возможность хорошо обеспечить связь. За последнее время и штаб главнокомандующего стал приходить на помощь. Снабжение огнеприпасами казалось обеспеченным, и за последние недели было прислано в корпус несколько броневедомостей. Вместе с тем все же целый ряд вопросов хозяйственного и организационного характера требовал еще разрешения. За три месяца непрерывных боев значительное число офицеров и казаков были одновременно представлены к награждению. Представления эти, несмотря на постоянные мои напоминания, в штабе главнокомандующего месяцами залеживались, и многие достойные офицеры и казаки успевали выбыть из строя, так и не дождавшись награды. Разбитый, потерпевший огромные потери противник против нас казался совершенно деморализованным, и активных действий с его сто-

роны в ближайшие дни ожидать было трудно. Я решил воспользоваться боевым затишьем и на месте в Екатеринодаре добиться разрешения целого ряда существенных для корпуса вопросов.

Получив разрешение генерала Деникина и вытребовав себе из Ставрополя в Петровское вагон, я выехал в Екатеринодар, передав корпус только что произведенному в генералы Улагаю. Я нашел Екатеринодар еще более переполненным, нежели три месяца тому назад. Несмотря на то что предупрежденный о моем приезде войсковой штаб отдал приказание отвести мне номер в войсковой гостинице, таковой удалось получить лишь через несколько дней и первые дни пришлось жить в моем вагоне.

Генерал Деникин встретил меня очень сердечно. Много благодарил за блестящие действия корпуса и обещал всем, что от него зависит, корпусу помочь, приказав мне о всех нуждах корпуса сообщить начальнику штаба. У последнего встретил я весьма любезный прием, однако ни по одному вопросу вполне определенного, исчерпывающего ответа получить не мог. Генерал Романовский в большинстве случаев уклонялся от решительного ответа, не давал определенных обещаний, избегал и отказов... То же встретил я и в большинстве отделов штаба, в частности, у нового генерал-квартирмейстера полковника Плющевского-Плющик. Последний проявлял полное отсутствие самостоятельности, как будто даже боялся последней, постоянно ссылаясь на то,

«что скажет Иван Павлович», «как посмотрит Иван Павлович»³.

Штаб с его бесконечными отделами страшно распух и утопал в море бумаги. Забывая и откладывая разрешение самых насущных повседневных мер, штаб главнокомандующего занимался изучением и разрешением целого ряда вопросов, быть может и существенных, но имевших в данной обстановке скорее академическое значение: пересматривались и разрабатывались уставы, заседали комиссии по разработке организации высших войсковых соединений...

В одну из таких комиссий по изучению организации конницы попал и я. Созданию мощной конницы в условиях настоящей войны, где маневр играл первенствующую роль, я придавал огромное значение. Зная казаков, я в полной мере учитывал, что по освобождении казачьих земель они неохотно примут участие в дальнейшей нашей борьбе, и считал необходимым безотлагательно озаботиться восстановлением частей регулярной конницы. Большое число офицеров-кавалеристов оставалось без дела или служили в пехотных частях сплошь и рядом рядовыми. Ценнейшие кадры лучшей в мире конницы таяли. Между тем оттого ли, что среди лиц штаба, начиная с Главнокомандующего, за немногими исключениями, большинство было пехотными офицерами, к мысли о необходимости создания регулярных кавалерийских частей

³ Генерал Романовский.

верхи армии относились не только безразлично, но явно отрицательно.

Я подал отдельную докладную записку, в коей, настаивая на необходимости безотлагательно приступить к воссозданию регулярных кавалерийских частей, указывал, в видах успешного проведения этой мысли в жизнь, создать особый орган – инспекцию конницы. Внесенная в комиссию моя записка была поддержана всеми членами комиссии единогласно. Записка была передана генералу Романовскому, однако и по этому вопросу определенного ответа получить не удалось.

Приезд мой в Екатеринодар совпал с выбором Краевой Радой атамана. Правые элементы Рады поддерживали старого атамана полковника Филимонова, левые, «самостийные», группы выставляли кандидатуру председателя Рады, Быча. Вокруг предстоящих выборов шла ожесточенная борьба. Борьба эта в казачьих частях и широкой массе казачества сочувствия не имела. Мне представлялось, что всякие политические выступления, всякая политическая борьба в тылу в то время, когда на фронте идут кровопролитные бои, наносят непоправимый ущерб нашему делу. Всякое послабление в этом отношении со стороны главнокомандующего могло быть, по моему мнению, чревато последствиями. Хорошо зная казаков, я не сомневался в том, что мощный окрик генерала Деникина в корне пресек бы все эти выступления и что, наоборот, всякое послабление, всякое искание властью компромисса было бы учтено как слабость ее, и неизбежным

следствием чего явились бы новые домогательства местных демагогов. При свидании моем в день приезда с генералом Деникиным я попытался затронуть этот вопрос, но главнокомандующий от дальнейшего разговора уклонился. Генерал Драгомиров сообщил мне, что находящиеся в Екатеринодаре генерал Покровский и полковник Шкуро также настаивали перед главнокомандующим на необходимости положить предел недопустимым выступлениям некоторых групп Рады, не останавливаясь в случае необходимости даже перед *coup d'état*. Однако генерал Деникин, по-видимому, был другого мнения.

На заседание Краевой Рады прибыл, кроме генерала Покровского и полковника Шкуро, целый ряд офицеров из армии. Несмотря на присутствие в Екатеринодаре Ставки, как прибывшие, так и проживающие в тылу офицеры вели себя непозволительно распущенно, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами. Особенно непозволительно вел себя полковник Шкуро. Он привел с собой в Екатеринодар дивизион своих партизан, носивший наименование «волчий». В волчьих папах с волчьими хвостами на бунчуках, партизаны полковника Шкуро представляли собою не воинскую часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядом ночью после попойки партизан Шкуро со своими «волками» неся по улицам города с песнями, гиком и выстрелами. Возвращаясь как-то вечером в гостиницу, на Красной улице увидел толпу народа. Из открытых окон особняка лил-

ся свет, на тротуаре под окнами играли трубачи и плясали казаки. Поодаль стояли, держа коней в поводу, несколько «волков». На мой вопрос, что это значит, я получил ответ, что это «гуляет» полковник Шкуро. В войсковой гостинице, где мы стояли, сплошь и рядом происходил самый бесшабашный разгул. Часов в 11–12 вечера являлась ватага подвыпивших офицеров, в общий зал вводились песенники местного гвардейского дивизиона, и на глазах публики шел кутеж. Во главе стола сидели обыкновенно генерал Покровский, полковник Шкуро, другие старшие офицеры. Одна из таких попоек под председательством генерала Покровского закончилась трагично. Офицер-конвоец застрелил офицера Татарского дивизиона. Все эти безобразия производились на глазах штаба главнокомандующего, о них знал весь город, и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат.

Наконец состоялись выборы. Выбранным оказался генерал⁴ Филимонов. Весьма разумный, тонкий, осторожный, но не обладавший, как показали дальнейшие события, необходимой твердостью и не сумевший удержать в своих руках атаманскую булаву.

Начатая генералом Корниловым героическая борьба ширилась, и казалось, что значение ее начинала учитывать Европа. С целью изучения вопроса возможностей помочь нам

⁴ Произведен в генерал-лейтенанты Радой.

необходимым снабжением прибыли в Екатеринодар представители английского и французского правительств.

Во главе миссий стояли: английской – генерал Пулль и французской – капитан Фуккэ. В ближайшее время миссии выезжали на фронт для ознакомления на месте с нуждами войск.

11 ноября нового стиля на Западном фронте было заключено перемирие. Германская армия развалилась, и немецкие оккупационные войска, охваченные русской заразой, распродавая оружие и снаряжение, толпами бежали домой.

На Украине произошло то, что неизбежно должно было случиться. Посаженный немцами и державшийся немецкими штыками, Скоропадский пал, скрывшись в Германию. В Киеве предательски был убит герой Галиции генерал граф Келлер. Уцелевшие офицеры бежали на Дон и Кавказ. Здесь генерал Краснов, вовремя учтя падение Германии, умело использовавший немцев и сумевший создать собственную армию, ныне вел переговоры с союзниками. Эти переговоры велись им независимо от переговоров с союзными державами генерала Деникина.

Перед общей целью, перед лицом общей опасности вожди не сумели еще найти общего языка.

В штабе главнокомандующего жестоко обвиняли генерала Краснова в «нежелании подчиниться», в «нежелании признать власть генерала Деникина». По-видимому, в штабе донского атамана такие же упреки раздавались по адресу

главнокомандующего.

Борьба против насильников родины разгоралась и на других концах Русской земли. 18 ноября социалистическое Омское правительство было сброшено и во главе сибирских армий стал адмирал Колчак. На севере вдоль Мурманской железной дороги войска объединил генерал Миллер, в Прибалтике формировались части генералом Юденичем. Черная мгла, нависшая над Россией, казалось, рассеивалась...

Я оставался в Екатеринодаре, тяготясь екатеринодарской жизнью и стремясь скорее вернуться к себе в корпус, однако разрешение штабом важных для меня вопросов бесконечно оттягивалось. Между тем противник, оправившись и подтянув подкрепления, вновь перешел в наступление против частей генерала Улагая, овладел Кистинским и Винодельным и быстро продвигался на запад. В Ставке заволновались, и генерал Романовский прислал мне записку с приказанием главнокомандующего спешить возвращением в корпус и принять меры для восстановления нашего положения. Я вызвал по прямому проводу начальника штаба генерала Улагая. Последний принял уже необходимые меры, сосредоточивал свои части к югу от Винодельного, имея целью повторить прежний наш маневр. Я дал начальнику штаба корпуса несколько дополнительных указаний и в тот же вечер выехал в Петровское, а оттуда верхом в корпус. В Петровском я получил донесение генерала Улагая об удачном для нас деле. Генерал Улагай нанес противнику жестокое поражение, за-

хватив много пленных и пулеметов, вновь овладел Винодельным и продолжал продвигаться к северу, угрожая тылу красных. В бою под Винодельным особенно отличились стрелки полковника Чичинадзе.

Вечером прибыв в Винодельное, я отдал приказ генералу Станкевичу также перейти в наступление. Через два дня наше положение было полностью восстановлено.

В бытность мою в Екатеринодаре я ходатайствовал об отводе корпуса в резерв главнокомандующего, чтобы дать возможность полкам произвести перековку. Не добившись определенного ответа на мое ходатайство, я отдал приказ полкам немедленно приступить к перековке, используя боевое затишье. В последних боях противник был окончательно потрясен. Деморализация в рядах противника усиливалась, и за последние дни была масса перебежчиков. Обстановка исключала на долгое время возможность активности красных на нашем фронте. Однако общее положение не дало нам возможности продолжительного отдыха.

В середине декабря противник, сосредоточив значительные силы в районе станиц Медведское – Шишкино, в пятидесяти верстах к югу от села Петровское, перешел в решительное наступление против 1-го армейского корпуса генерала Казановича, выдвинувшегося к этому времени на фронт Грушевка – Ореховка, отбросил его и, нанеся громадные потери, вынудил вновь отойти за реку Калаус. По донесению генерала Казановича, его части в случае дальнейшего продви-

жения противника не были в состоянии продолжительное время оказывать сопротивление. Дальнейший отход к Ставрополю 1-го армейского корпуса создавал серьезную угрозу общему нашему положению. Я решил, невзирая на большое утомление моих частей после трехмесячных непрерывных боев, предложить главнокомандующему оказать помощь 1-му армейскому корпусу, для чего, заслонившись на фронте Петровское – Маныч, широким маневром охватить и нанести удар в тыл действующей в районе Медведское – Шишкино группе красных. За несколько дней перед этим бригада генерала Чайковского (Офицерский конный и Черноморский казачий полки) вышла из состава корпуса, а вновь сформированный 2-й Лабинский казачий полк вошел в состав 1-й конной дивизии.

Главнокомандующий одобрил мои предположения. Сосредоточив в районе Петровского екатеринодарцев, линейцев, лабинцев, уманцев, запорожцев и пластунов, под общим начальством произведенного в генералы Топоркова, я отдал последнему приказание 21-го на рассвете двинуться усиленным переходом в общем направлении на Александрию и, выйдя в тыл красных, атаковать их в направлении Шишкино – Медведское. Прибыв 20-го в Петровское, я нашел телеграмму о выезде генерала Деникина в сопровождении союзнических миссий на фронт. Вечером меня вызвал из Ставрополя к аппарату главнокомандующий. По донесению генерала Казановича, тяжелое положение его корпуса исключало

возможность осмотра частей союзническими миссиями. Генерал Деникин спрашивал, возможен ли приезд их в 1-й конный корпус и что я могу «им показать». Я ответил, что «могу показать лишь, как кубанцы бьют большевиков», и просил главнокомандующего, буде возможно, прибыть ночью, дабы с рассветом выступить с колонной генерала Топоркова.

Приказав полковнику Бабиеву, который с корниловцами и стрелками оставался для прикрытия Петровского, назначить взвод казаков в почетный караул и сделать все необходимые распоряжения для встречи гостей, я отдал директиву корпусу. Директива была переведена на английский и французский языки, и к ней была приложена схема обстановки с соответствующей объяснительной запиской, последняя также в переводе. За всеми хлопотами мне не пришлось за всю ночь лечь. В 4 часа утра я был уже на вокзале. Вскоре подошел поезд. Генерал Деникин, генерал Пуль, капитан Фуккэ и лица свиты были уже одеты, и мы, сев верхом, тронулись в путь.

Стало понемногу сереть, бесконечно, куда хватал глаз, чернела пустынная степь, местами прорезанная глубокими оврагами; кое-где одиноко темнели курганы; утро было туманное, изредка моросил дождь, и черноземная размокшая, покрытая лужами дорога не позволяла двигаться быстро. На дороге попадались отставшие от обозов повозки, местами безнадежно завязшие в грязи. Отъехав верст 15, мы нагнали большой обоз, стоявший на привале; тут же находи-

лось несколько орудий. Генерал Топорков, оставив тяжести и часть артиллерии в тылу, выпряженными лошадьми усилил артиллерийские запряжки. В некоторых батареях тела орудий были сняты и везлись на телегах. Части двигались весьма медленно. Лошади и люди вязли в грязи, скользили и падали. Пластуны, шедшие с первой бригадой, значительно отстали от своей колонны. Лишь к 4 часам дня авангард правой колонны, при которой следовали мы, наступая дорогой Петровское – озеро Маховое – Шишкино, обойдя фланг противника, спустился в долину реки Сухая Буйвола и завязал перестрелку с красными. С четырех часов утра мы ничего не ели и почти не слезали с лошадей. Отвыкшие от походной жизни, не втянутые в езду, главнокомандующий, чины штаба и иностранцы окончательно заморились. Выбрав удобный наблюдательный пункт, я предложил генералу Деникину оставаться здесь, сам же просил разрешения проехать вперед, чтобы руководить боем.

При генерале Деникине я оставил начальника штаба корпуса полковника Соколовского с моим конвоем, приказав ему, выждав подход 2 отставших орудий и пластунов и объединив под своим командованием эти части, наступать на деревню Сухая Буйвола, где наш боковой отряд завязал перестрелку. Медленно тянулась мимо нас колонна, спускаясь крутым берегом в долину речки. Главнокомандующий здоровался с полками.

Вдвоем с офицером-ординарцем я, обгоняя колонну, про-

ехал вперед. Наша лава медленно карабкалась на правый берег реки. Со стороны деревни Шишкино слышались выстрелы. Далеко вправо, в районе деревни Сухая Буйвола, наш боковой отряд вел перестрелку. Левее видна была подходящая к деревне Александрия 2-я бригада. У самой переправы мелькал значок генерала Топоркова и виднелась группа чинов его штаба. То там, то здесь над колонной вспыхивали дымки шрапнелей. Наша лава поднялась на холмистый гребень. Там за гребнем часто стучали выстрелы. Мы с генералом Топорковым рысью выехали вперед. Лава лабинцев маячила перед деревней, не решаясь атаковать.

Подымаясь в гору, подходил Екатеринодарский полк. Полком командовал молодой офицер полковник Лебедев. Приказ о его производстве в штаб-офицеры в корпусе получен был лишь накануне, и Лебедев, только сегодня об этом узнавший, не успел еще надеть полковничьих погон. Я подскакал к полку, поздоровался с казаками и обратился к командиру полка: «Полковник Лебедев, поддержите штаб-офицерские погоны, в атаку». Полковник Лебедев выскочил вперед, раздалась команда: «Шашки к бою, строй фронт, марш, марш», екатеринодарцы понеслись. Огонь усилился, скользили и падали кони, но казаки неслись неудержимо. Вскоре рубка шла на улицах села, оттуда врассыпную бежали люди, скакали повозки, лазаретные линейки, походные кухни. Из соседней деревни Медведское на восток быстро отходила длинная колонна обозов, ей наперерез из Алексан-

дрии спешили полки 2-й бригады. В бинокль был виден втягивающийся в деревню Сухая Буйвола отряд полковника Соколовского. Темнело; одно за другим стали поступать донесения. Полковник Соколовский занял Сухую Буйволу, захватив пленных, пулеметы и батарею. Почти одновременно с ним в деревню вошла и конница 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского, действовавшая на левом фланге 1-го армейского корпуса⁵, екатеринодарцы, линейцы, лабинцы, овладев Шишкином и Медведским, также захватили много пленных, пулеметы и орудия. Противник на всем фронте отходил в направлениях на Благодарное, Елизаветинское и Новоселыцы.

Отдав необходимые распоряжения, я поехал назад. Стало совсем темно. Генерал Деникин уже проехал на Петровское, и я поспешил возвратиться, дабы застать главнокомандующего до его отъезда. Дорога казалась бесконечной. Заморенные кони двигались с трудом. Наконец мы добрались до Петровского. Дом, занятый штабом, был ярко освещен. Я застал генерала Деникина с иностранными гостями за ужином. Только что главнокомандующему было доставлено посланное мною донесение с места боя. Генерал Деникин его громко прочел, и меня встретили криками «ура». Несмотря на то что все сильно проголодались, гости ели неохотно. Все

⁵ Сам генерал Покровский отсутствовал, и дивизией временно командовал бригадный командир генерал Крыжановский.

очень заморились и спешили лечь.

В 11 часов гости уехали, я оставался еще в штабе, чтобы отдать несколько необходимых распоряжений, а затем проехал на вокзал проводить главнокомандующего. Весь поезд уже спал, и я, приказав дежурному офицеру передать главнокомандующему пожелание счастливого пути, вернулся домой и заснул как убитый. Я не спал полтора суток и за последние сутки сделал верхом не менее ста верст.

Победа 21 декабря стоила противнику 1000 пленных, 65 пулеметов и 12 орудий. Огромные обозы красных попали в наши руки, 1-й армейский корпус генерала Казановича вновь выдвинулся на линию Медведское – Грушовка – Калиновка. Приказом главнокомандующего части 1-го армейского корпуса генерала Казановича, 1-го конного корпуса и отряд генерала Станкевича объединялись в отдельную армейскую группу под моим начальством.

Мне ставилась задача, удерживая фронт Маныч – Петровское и развивая достигнутый 21 декабря успех, овладеть главной базой Таманской армии – Святым Крестом и в дальнейшем, закрепившись здесь, действовать в тыл Минераловодской группе красных, скованной с фронта наступающими вдоль Владикавказской железной дороги частями генерала Ляхова.

Оставив в районе Камбулат – Малые Айгуры отряд полковника Бабиева в составе двух конных и стрелкового полков для прикрытия села Петровское и железной дороги на

Ставрополь, я направил генерала Улагая с его 2-й Кубанской и одной бригадой 1-й конной дивизии для преследования противника, отходившего на Благодарное и далее на Святой Крест.

Генералу Топоркову и генералу Казановичу я приказал перейти в общее наступление на фронте Александровское – Новоселица и далее на юго-восток. Противник, желая выйти из тяжелого положения, предпринял отчаянную попытку приостановить наше наступление. 26 декабря, сосредоточив свои силы в районе Казгулак – Овоши, он обрушился на отряд полковника Бабиева и после тяжелого двенадцатичасового боя оттеснил его к самому Петровскому. Не имея свободных резервов, я просил главнокомандующего мне помочь, и в мое распоряжение были переданы расположенные в Ставрополе Корниловский ударный и 3-й Сводно-Кубанский казачий полки.

Приказав казакам спешно двигаться из Ставрополя к Петровскому походным порядком, я в ночь на 27-е перебросил по железной дороге корниловцев и, выдвинув их на фронт, к вечеру 27-го остановил красных в 7 верстах от Петровского. К вечеру 28 декабря полковник Бабиев, усиленный корниловцами и сводно-кубанцами, занял Малые Айгуры и Камбулат. Произведя перегруппировку, он через сутки ночным переходом, имея пехоту на повозках, выдвинулся к Казгулаку, наголову разбил здесь противника и захватил более тысячи пленных. Последние, в значительном числе недавно на-

сильно мобилизованные большевиками, сами выразили желание стать в наши ряды и в тот же день в числе пятисот человек сражались в рядах Корниловского ударного полка. Не задерживаясь в Казгулаке, полковник Бабиев в тот же день выдвинулся к селению Овощи и к вечеру после короткого и горячего боя овладел последним, вновь захватив пятьсот пленных. На следующий день, 31 декабря, доблестный полковник Бабиев увенчал свое славное дело занятием села Маштак-Кулак, где и довершил разгром противника. Остатки красных рассеялись в степи.

Наступающий Новый год застал части корпуса на походе в Ногайских степях.

Прошлое темно, будущее неясно, но рассвет как будто уже брезжит, прорезывая кровавую тьму, покрывшую Русскую землю...

За два дня до Нового года я получил неожиданно телеграмму главнокомандующего о назначении меня командующим Добровольческой армией; впредь до выполнения поставленной вверенной мне группе войск задачи временно командовать армией приказывалось начальнику штаба главнокомандующего генералу Романовскому. Переговоры между главнокомандующим и донским атаманом наконец привели к соглашению 26 декабря во время свидания в Торговой Главнокомандующего и донского атамана. Генерал Деникин объединил командование Добровольческой и Донской армиями, приняв звание главнокомандующего Вооруженны-

ми силами на Юге России. Я совершенно не ожидал нового назначения. Оно обрадовало меня, дав возможность приложить силы и знания свои в широком масштабе и показав, что главнокомандующий доверяет мне и ценит мою работу. В то же время мне грустно было расстаться с моим славным корпусом и, неизбежно оторвавшись от войск, отдалиться от столь близкой мне боевой жизни.

Командиром 1-го конного корпуса назначался начальник 1-й Кубанской дивизии генерал Покровский, причем его дивизия включалась в состав корпуса, взамен 2-й Кубанской дивизии генерала Улагая. Был назначен и новый начальник 1-й конной дивизии. По принятии мною 1-го конного корпуса начальником последней был назначен генерал Науменко. Он, однако, так и не успел вступить в командование, приняв должность походного атамана Кубанского войска, и дивизией долго временно командовал командир 1-й бригады полковник Топорков.

Заместителем генерала Науменко оказался старый мой приятель, соратник по Японской кампании и однокашник по Академии Генерального штаба, которую он окончил за два года до меня, генерал Шатилов.

Я приказал генералу Шатилову объединить командование 1-й Кубанской дивизией и частей 1-й конной, действующих под начальством генерала Топоркова.

Безостановочно гоня красных, генерал Улагай 24-го овладел Благодарным и 4 января захватил базу Таманской армии

– Святой Крест, овладев здесь огромными запасами. В то же время генерал Шатилов, преследуя противника, овладел Новоселицами и селом Александровское, захватив вновь пленных, пулеметы и орудия. На следующий день в село Александровское вступили части генерала Казановича. Из Новоселиц конница генерала Топоркова усиленным маршем выдвинулась к станции Преображенское, перерезала железнодорожную ветку Святой Крест – Георгиевская, отрезав путь бегущим на юг красным эшелонам⁶.

Сюда же, к станции Преображенское, спешили, преследуя по пятам бежавшего из Святого Креста на юг противника, прочие полки 1-й конной дивизии (2-я Кубанская дивизия генерала Улагая оставалась в Святом Кресте).

⁶ См. карту театра военных действий на Северном Кавказе в 1918 г. в конце книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.